

ЕВГЕНИЙ ЧИТИНСКИЙ

ЛЕЙТЕНАНТ СТАРНОВСКИЙ

16+

ЕВГЕНИЙ ЧИТИНСКИЙ
Лейтенант Старновский

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Читинский Е.

Лейтенант Старновский / Е. Читинский — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-96235-4

Книга содержит повествование о событиях первых дней ВОВ, о
столкновениях с противником, выявлении диверсантов и подведения итогов...

ISBN 978-5-532-96235-4

© Читинский Е., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1. Умник	5
Глава 2. «НКВД знал, что война начнется»	8
Глава 3. Бдительность	11
Глава 4. Чувство опасности	13
Глава 5. Чует мое сердце, что мы на пороге грандиозного шухера	17
Глава 6. 22 июня 1941 г. Раннее утро	21
Глава 7. 22 июня 1941 г. Первая кровь	24
Глава 8. 21 – 22 июня 1941 г. Группа обер-фельдфебеля Вернера	28
Глава 9. 22 июня 1941 г. Первые приобретения отряда Старновского	32
Глава 10. 22 июня 1941 г. Встреча с немцами	36
Глава 11. 22 июня 1941 г. Первый бой	39
Глава 12. 22 июня 1941 г. Первые трофеи	42
Глава 13. Полчаса до войны	45
Глава 14. 22 июня 1941 г. Лесной бой	48
Глава 15. 22 июня 1941 г. Отряд Старновского продолжает вести бой	51
Глава 16. 22 Июня 1941 г. Радостное и грозное «УРА!»	55
Глава 17. 22 июня 1941 г. Комендант деревни	58
Глава 18. 22 июня 1941 г. Они что, сдурели?	61
Глава 19. 22 июня 1941 г. Нам бы зацепиться и очухаться!	65
Глава 20. 22 июня 1941 г. Пять винтовок на сотню человек	68
Глава 21. 22 июня 1941 г. Встреча с особистом	71
Глава 22. 22 июня 1941 г. Мародеры	74
Глава 23. 22 июня 1941 г. Пленные поляки	79
Глава 24. 22 июня 1941 г. Игра со смертью	83
Глава 25. 22 июня 1941 г. Это не отряд, это банда какая-то!	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Евгений Читинский

Лейтенант Старновский

Глава 1. Умник

– Тащ лейтенат! А за что Вас послали с нами? – спросил веселый рыжий красноармеец угрюмого командира, понуро идущего впереди небольшого отряда солдат с лопатами на плечах.

– Во-первых не тащ лейтенат, а товарищ лейтенант! А во-вторых, не послали, – тут молодой командир слегка скривился, – а поручили ответственное дело, помочь соседнему колхозу выкопать погреб, а вас научить земляным работам по сооружению землянок.

– Ну това-а-арищ, лейтенанат! – не унималось лопухое рыжее создание. – Все же только и говорят, что Вы товарищу майору сказали, что скоро начнется война и наш батальон сразу же расстреляют! И что он сильно испугался, а потом заругался, а потом отправил вас с нами на строительные работы, как провинившегося.

– Рядовой Солнышкин! – вдруг резко остановился лейтенант, и следом за ним остановился рыжий красноармеец, которому с некоторым запозданием в спину уткнулся слегка задремавший верзила, а тому в свою очередь чернявый крепыш. И так весь отряд, подобно утятам остановился и стал смотреть на свою «мамку», стоя на пыльной дороге в две колонны.

– Я не Солнышкин, я Солнцев! – обиженно произнес рыжий.

– Тем более!

– Товарищ лейтенант, да не слушайте вы это брехло! – сонным голосом произнес крепыш. – Все мы тут за какие-то прегрешения. Завтра воскресенье, кино привезут, а мы тут с лопатами, вот ему и обидно!

– А собственно говоря, почему, немцы могут на нас напасть, ведь было сообщение от 14 июня, что вранье все это, провокация империалистов! – раздался звонкий голос шедшего предпоследним худенького молодого солдата.

– Ишшо один умник нашелся! – недовольно буркнул сержант, шедший последним и толкнул недотёпу в бок. – Ты-то куда лезешь?

Лейтенанта покорила фраза «ишшо один умник». Первый умник, стало быть, он. И именно из-за него этого бравого и усердного сержанта отправили с этими охламонами, чтобы пригляд был. И тут стало Александру Старновскому обидно. Ну как же так, никто его не понимает. Ни командиры, которые не видят очевидного, ни эти солдаты, собранные со всей второй роты на хозработы за какие-то мелкие прегрешения. Лейтенант выпрямился, оглядел свой небольшой отряд в количестве 12 человек, и строгим командирским голосом вдруг приказал:

– Отделение, в одну шеренгу стройсь! Раз, два, три! По порядку рассчитайсь!

Солдаты встрепенулись, в три шага перестроились из двух шеренг в одну, и тут же бойко пошел отсчет: – Первый, второй, третий!

Лейтенант смотрел на этих восемнадцатилетних-девятнадцатилетних пацанов, и с высоты своих двадцати двух лет и года службы в армии чувствовал себя умудренным жизнью отцом-командиром. Умник отсчитал:

– Одиннадцатый!

Сержант подхватил:

– Двенадцатый! Расчет окончен!

А потом совсем не по-уставному спросил:

– Товарищ лейтенант, мне так и идти в конце строя, подстегивать малахольных, или рядом с Вами в голове отряда идти? Деревня скоро!

Лейтенант тихо про себя улыбнулся. Сержант хоть и маленький, но начальник. Да к тому же как минимум на год постарше остальных солдат. И выправка у него соответствующая.

– Хорошо, Васильев, давай вперед!

Сержант оживился. Быстро прошел во главу отделения. Лейтенант встал напротив строя своего маленького отряда и совсем не командирским голосом произнес:

– Товарищи красноармейцы! Все вы слышали звук моторов немецкой техники из-за Буга.

– И лязг танков! – заметил крепыш.

– Всё верно, товарищ Пармонов, и лязг танков.

Тут сержант неожиданно для самого себя вдруг добавил:

– Из магазинов в городе пропали мука, соль, спички, сахар! А я спички не успел купить!

Лейтенант согласно кивнул. Заметил, как наострил уши рыжий. Слушает! Вспомнил, как он назойливо все выпрашивал что да почему? Подозрительно!

Однако, нужные слова нашлись сразу!

– Товарищи, враг мирового пролетариат не дремлет. Всё время накапливает силы. Вы это слышите своими ушами! Однако, не нужно поддаваться на провокации! Но быть готовыми к отражению нападения нужно быть всегда! Так сказать, всегда быть начеку! Именно это я и хотел донести до товарища майора!

А он мне сказал, что начальство наверху все знает и всё видит, и что не нужно паниковать. А еще сказал, что мы по-своему правы. Но у нас окопная точка зрения, и мы не видим того, что видно нашим командирам сверху! А товарищ Сталин сказал ясно и однозначно, что слухи о войне с Германией – это всего лишь слухи. Так что вопрос закрыт! Ясно всем?

Первым среагировал рыжий:

– Стало быть, эти слухи распускают враги народа?

Это уже был удар по престижу товарища лейтенанта. Он же про это говорил!

Старновский зло на него глянул и тихо, с угрозой произнес:

– Я свою точку зрения уже кому надо сказал. И как видите жив-здоров. Вот только на хозработы отправили, как самого умного! Так что умники, лопаты на плечо и вперед!

– Тащ лейтенант, а у вас пистолет в кобуре?

Старновский скривился от этого фамильярного «тащ лейтенант», но ответил:

– Согласно приказу командира, теперь на хозработы подразделения без оружия не убывают. Так что не волнуйся, я вас защищу!

– Солнцев, а лопата тебе на что? – сказал сержант, и все заулыбались.

– Вам, тащ Васильев, хорошо, у вас нож!

– Разговорчики! Товарищ лейтенант, разрешите движение дальше?

– Командуй, сержант!

– Отделение, в две шеренги стройсь! Раз, два, три! Направо! За мной шагом марш!

И, топая вразнобой, солдаты с лопатами на плечах нестройно двинули дальше по пыльной дороге в сторону видневшихся построек колхоза «Новая Заря». А лейтенант шел рядом и все думал, а правильно ли он все сказал? И подумав немного, решил, что он все сделал правильно. И начальству о своей тревоге и опасениях доложил, и своим подчиненным все растолковал. Хоть и временным. Хотя этот рыжий Солнцев из его второго взвода! А он-то за какие провинности сюда попал? Воробьева, который был одиннадцатым, он сам лично наказал хозработами за то, что тот уснул у него на занятиях. Еще вчера. А вот рыжий-то за что?

Тут вдруг сержант зычным голосом скомандовал: «Отделение, Каховку за-апе-евай»! И солдаты нестройными голосами начали выводить мотив:

«Каховка, Каховка, родная винтовка, горячая пуля,
лети.

Иркутск и Варшава, Орел и Каховка

– Этапы большого пути!

Гремела атака и пули свистели, и ровно строчил
пулемет!

И девушка наша приходит в шинели,

Горячей Каховкой идет!»

Тут словно слова песни материализовались в гурьбу девушек, едущих в кузове полупортки на молочную ферму. Грузовичок шустро обогнал строй солдат, девушки что-то закричали приветственное красноармейцам, и те дружно и с воодушевлением грянули припев:

«Под солнцем горячим, под ночью слепую, Немало пришлось нам пройти

Мы мирные люди, но наш бронепоезд

Стоит на запасном пути!»

Впереди показались колхозные постройки.

Глава 2. «НКВД знал, что война начнется»

Что делать с умником?

19 июня 1941 года. 22 танковая дивизия. Южный городок Бреста. Кабинет НКВД. Вечер.
– Что будем делать с этим умником? – спросил младший лейтенант НКВД Руденко.

Вопрос адресовался его начальнику, старшему лейтенанту Егорьеву. Тот сидел за столом, в своем кабинете, разглядывая своего подчиненного с чувством собственного превосходства, которое ему давали два эмалевых прямоугольника на его петлицах. Недавно полученная вторая «шпала» тешила самолюбие в такие моменты еще выше. А благодарность начальству разливалась с новой силой, да так, что хотелось сделать что-то особенное, чтобы отличаться в глазах вышестоящего руководства.

А тут такой случай. Раскрыли паникера. Про лейтенанта Старновского он с явным удовольствием доложил в вышестоящую инстанцию лично. Но ответ, а самое главное интонация начальства его глубоко разочаровали. Вердикт был прост. И сейчас он его озвучит своему подчиненному:

– Тарас, ты сам-то как думаешь? – спросил Егорьев, вставая из-за стола.

Он подошел к подоконнику, взял оттуда две кружки, поставил на стол. С тумбочки взял чайник и заварник и стал наливать чай. Руденко, сидя напротив, смотрел на приготовления начальника и понял, что разговор будет откровенный, а, следовательно, нужно и отвечать то, что думаешь, а не то, что хочет услышать начальство.

– Ну, давай, только без канцелярщины, а чисто по жизни, по-пролетарски, так сказать! – последняя фраза была любимой у начальника.

– Если откровенно, товарищ старший лейтенант, то лейтенант Старновский изложил только факты.

– Шум моторов за рекой? Приготовления немцев? Слухи среди гражданского населения о том, что скоро начнется война? Так это мы с тобой и так прекрасно знаем! Чай не глухие, не слепые, да и агентура регулярно докладывает! Но самое-то главное ты в своей справке не указал.

– Вы про невыгодное расположение двадцать второй танковой дивизии?

– Ну вот, я знал, что ты не дурак! – Егорьев положил на письменный стол сверток с салом, колбасой и нарезанным хлебом.

– Давай за одно уж и поужинаем! Ну так почему не написал? – Сталин же сказал. Панику не разводить! Вот я с Вами и хотел посоветоваться, мало ли чего!

– Правильно, что решил посоветоваться! Я со своим уже посоветовался! Что же касается нашего расположения войск, то есть о чем задуматься! От такого расположения под дулами немецких пушек у многих умников паника и возникает. Запомни, Тарас, только дураки ничего не боятся! Ну, а нам с тобой нужно составить справку так, чтобы в случае чего, со всех сторон, при любых обстоятельствах прикрыться ею. Дескать, мы же предупреждали! Ты понял?

– Но как именно?

– Ну, во-первых, напиши, что Старновский прав насчет неудачного расположения двадцать второй танковой дивизии. Три километра до границы! Личный состав в казармах проживает скученно, кровати расположены в два-три яруса. Тут же находятся склады с горючим. Автомашины стоят плотно друг к другу на тесных площадках. Так же размещены артиллерия и танки. В общем, такое расположение на расстоянии досягаемости немецких орудий с сопредельной территории вызывает недоумение у части командного состава. Это и озвучил лейтенант Старновский, указав на данные факты в своей докладной на имя своего непосредственного начальника.

Во-вторых, приложи схему расположения дивизии. Без подробностей. Главное укажи расстояние до границы. Приложи также таблицу дальности стрельбы немецких орудий. Я её для тебя уже приготовил. Возьмешь, заодно и изучишь.

В-третьих, приложи копии всех донесений агентуры и доверительных контактов из подразделений за последний месяц. Я к ней добавлю своих агентов.

В-четвертых, приложи характеристики на Старновского. Что, мол, отличник политической и боевой подготовки. Сын старого революционера-большевика. По месту службы, за тот год, что находится у нас в части, характеризуется положительно. В порочащих связях замечен не был. Ну в общем всё, как есть, укажи!

И самое главное, напиши вот что. Напиши, что считаешь целесообразным наказать его по комсомольской линии. Пусть разберут его на комсомольском собрании, влепят выговорёшник за распространение паники. И в то же время особо отметь, что необходимо внедрить в его окружение агентуру для наблюдения за объектом и отслеживания его связей, а также установления степени опасности его для советского общества или отсутствия таковой! Понял?

– Понял!

– Вот завтра к одиннадцати ноль-ноль и положишь свою справку мне на стол. И не забудь про комсомольское собрание. Лично доведи эту мысль до политработника и намекни, что органы во всем разберутся. Во всём!

– Есть! Сделаю!

Егорьев взял огромный бутерброд, и, смачно откусывая, спросил:

– Сам-то как думаешь, будет война или нет?

Кружка с чаем замерла в руках младшего лейтенанта. Начальник его подбодрил:

– Скажи, что думаешь. Не бойся! Здесь все свои. Руденко, немного поколебавшись, ответил, медленно подбирая слова:

– Думаю, что в ближайшее время не будет!

– Хороший ответ! – кивнул ему Егорьев. – Молодец! Соображаешь!

Руденко заискивающе улыбнулся. Старший лейтенант продолжил:

– И вот что, специально для тебя говорю! Наше руководство в курсе всего, что творится на границе. Войска располагаются согласно утвержденным планам. Понимать надо! Опасения высказывает не один этот умник лейтенант. В Брестской крепости тоже такой умник есть – майор Гаврилов (историческая личность). Его тоже пропесочат на собрании. Только на партийном. И таких разговоров все больше и больше. Так что ориентируй свою агентуру на это особо! Пусть даже провоцируют людей на такие беседы. Письменные инструкции я тебя дам завтра.

– Павел Григорьевич, значит, паникеры вовсе и не враги народа?

– Ну, раз Старновского и подобных умников не посчитали врагами народа, значит, это что-то, да значит! Ну а мы с тобой из этого должны делать свои выводы! Понял?

– Понял! Товарищ Сталин всё знает! Знает то, что мы здесь, на своих местах, просто не можем видеть! У него-то вся страна на виду. Да что страна, весь мир!

Егорьев как-то пристально посмотрел на своего подчиненного, словно в первый раз его увидел, и начальственным тоном произнес:

– Товарищ Сталин и партия никогда не ошибаются! Это главное, что нам положено знать!

Когда Руденко вышел из кабинета, Павел Григорьевич медленно подошел к окну, открыл форточку. Теплый летний воздух ворвался в прохладный кабинет. Он закурил, посмотрел во двор с высоты второго этажа. Там два водителя красноармейца увлеченно копались в двигателе полуторки. Огромный тополь лениво шелестел своей листвой неподалеку. Вспомнились сегодняшние слова начальства: «Красная Армия будет самой атакующей армией, запомни это, старший лейтенант»!

Павел Григорьевич тихо произнес:

– Значит, мы будем не обороняться, а наступать! – и закрыл форточку, словно боялся, что его кто-то может подслушать.

Глава 3. Бдительность

– Стало быть, вы пришли нам подмогнуть? – спросил живенький старичок со старой берданкой на плече.

– Так точно, дед. Где у вас тут начальство, доложить бы надо о прибытии, да и мне самому потом нужно отзвониться в свою часть, – ответил лейтенант Старновский.

– А вас-то за какие прегрешения? Чтобы вот так! Да цельного ахвицера командовать отделением солдат?

– Военная тайна! – отшутился Старновский.

– Тебя как по имени-отчеству-то зовут, как к тебе обращаться-то?

– Да можно просто лейтенант. А вообще-то я Александр Сергеевич!

– О, как! Как Пушкина, стало быть, звать! Стихи небось пишете?

– Бог миловал! А вот мой отец баловался, и вообще он любит русскую поэзию!

– Из дворян, что ли?

– Он у меня старый большевик-революционер. А вот отца его, стало быть, моего деда, царский режим в ссылку отправил в Сибирь, – уклончиво ответил лейтенант. Тема дворянства его деда была больной темой в семье революционера.

– Ну ладно, ты уж не сердчай. Скучно мне тут одному-то за коровниками и складами следить, да и командира Красной Армии чай не каждый день вижу. Счас позвоним! – дед направился в сторожку, небольшому новенькому бревенчатому домику.

– У вас и телефон есть?

– А как же! Вдруг бандиты или диверсанты какие. Так что нам без связи никак нельзя.

Граница рядом!

Лейтенант огляделся. Вход на территорию колхозных построек был огорожен невысоким штакетником. Сами коровники, склады и небольшие хозяйственные постройки были сделаны из бревен. А вот двухэтажное здание, стоящее чуть в стороне, за акациями, было кирпичное. Вдалеке, за речкой, всего в паре километров, виднелась небольшая деревня.

– А это у вас правление? – кивнул на здание лейтенант.

– И правление, и клуб, и небольшая гостиница. Вот там вы, как раз, и будете располагаться на ночлег.

Старик зашел внутрь сторожки. Дверь закрывать не стал, и Александр слышал всё, что он говорил:

– Да, пришли! Двенадцать человек. И лейтенант. Да, не ослышались, целого лейтенанта с ними прислали!

Затем сторож вышел и сообщил:

– Счас начальство пожалует.

– Слышь, дед, а колхоз-то у вас, гляжу, крепкий.

– Так войск вокруг стоит много, значит, провианту им нужно много! Вот и поставили тут наш колхоз! А военные нам строиться помогают. Вот и вас нам подсобить прислали.

Председатель колхоза оказался человеком средних лет, высоким, подтянутым, жилистым, однако характер у него был общительный и жизнерадостный. Когда он показал, где и каких размеров нужно строить погреб, у лейтенанта невольно вырвалось:

– Павел Прокопьевич! Вы тут что, хотите бомбоубежище устроить?

Председатель лукаво усмехнулся:

– Смекаешь, лейтенант. Но вот только не совсем убежище, а капитальный погреб для нашей, так сказать, продукции! Ну и при случае тут и укрыться можно. Вон в Европе война бушует! Сталин прямо сказал, что империалистическая! А тут до границы всего нечего,

30 километров. Вы, кстати, сами-то из южного городка? Или из учебно-полевого лагеря? Я чё-то машины вашей не вижу!

– Из учебного лагеря. Как раз очередь нашего батальона подошла!

– Понятно!

– А где питаться будут мои бойцы?

– Там за правлением большой такой дом с синей железной крышей стоит, вот там у нас и столовая. Накормим, как в лучших домах Лондона и Парижа! – он молодцевато подкрутил заливчатские усики.

– Вы в армии служили?

– Ещё в императорской, при старом режиме! Унтер-офицером стал в первую империалистическую. А потом в гражданскую эскадронкомандовал у товарища Буденного!

– А оружие у вас есть?

– А как же, наган есть. Там в сейфе! – он махнул рукой в сторону правления.

– Скажите, а евреи у вас в колхозе есть?

– Был один, мой счетовод, но на днях он со своей семьёй съехал, отец у него заболел сильно. Он мне телеграмму показал, ну я его и отпустил.

– А когда?

– Да аккурат после сообщения в газете о том, что войны не будет, что слухи все это! – тут председатель внимательно поглядел на лейтенанта и спросил:

– Что, так все плохо?

– Сами-то как думаете?

– Да вот у вас, как командира, как раз и хотел спросить.

Старновский аккуратно взял председателя за рукав и отвел в сторону, и, понизив голос, произнес:

– Я вот что вам скажу, вы револьвер теперь всегда с собой носите. Спрячьте в портфеле или носите за пазухой. Я ведь про евреев не просто так спросил. В Бресте они тоже потихоньку стали собираться и уезжать. А евреи – они народ ушлый. Просто так ничего делать не будут. Так что погреб мы вам выкопаем как можно быстрее.

– Я так и знал, я так знал!

– А что вы знали? Я ведь вам только про евреев рассказал! Да про осторожность. Вон бандитов и прочих нарушителей границы в лесах сколько развелось.

– Понимаю, понимаю! Панику сеять нельзя, но бдительность надо усилить!

Глава 4. Чувство опасности

Яму к вечеру выкопали и даже поставили четыре несущих больших столба по углам. Верзила воткнул топор в лежащее бревно и сел перекурить. Остальные бойцы уже сидели и курили тут же на бревнах.

– Ловко у тебя, Степан, получается топором-то махать! – заметил рыжий.

– Так я к плотницкому делу сызмальства приучен. У меня и отец плотник! А до него дед плотничал!

– А вот бошку врагам сможешь одним махом отсечь? – наседал конопатый боец.

– Солнцев! Вот чего-чего, а людям головы не рубал. Всё случая не подвергвалось.

Рыжих в деревне у нас не было!

Солдаты оживленно загомонили, послышались смешки.

Однако Василий не обиделся, а наоборот, стал развивать свою мысль:

– А вот случись что, надо бы нам будет пару топориков-то экспроприировать в пользу нашего славного отряда. Один будет у Степана, да он всем фашистам бошки поотрубает. А вот второй нужно будет отдать мне!

– Это почему же тебе? – усмехнулся Степан.

– Ну я тоже деревенский, тоже к топору приучен.

– Да у нас почитай все деревенские, кроме умника Воробьева. Он городской. Чем ты-то лучше?

Вместо Солнцева ответил крепыш:

– Да потому что он рыжий!

Все беззлобно засмеялись.

– Нет, Пармонов, не поэтому! Просто я самый шустрый из вас. Вот ты, Пармонов, пока раскочевряжишься, пока раскачаешься, да от тебя все фашисты сто раз успеют убежать!

– А от тебя, стало быть, не убегут?

– А я быстрее всех стометровку бегаю!

Тут в разговор вмешался сержант:

– Пушай завтра топором помашет. Только вот твоего «случись что» не случится.

– А что, по вашему, товарищ сержант, наш лейтенант сдуру докладную-то написал. Я вот гляжу, он мужик умный!

Возникла пауза. Все притихли. Никто не захотел эту тему развивать дальше, чтобы не прослыть паникером.

Первым нарушил молчание сержант:

– Вот видишь, Вася Солнцев, паникером тут больше нет, окромя тебя!

Разговор перешел на скользкую грань дозволенного. Казалось, рыжий специально эту тему поднял, но тут он вдруг выдал:

– Чуйка у меня, братцы, нехорошая. Как пообедали, так и крутит...

– Так сбегай в туалет! – попробовал схохмить солдат по фамилии Лаптев.

На что Солнцев ему ответил:

– Лапоть ты, Вася! Душа у меня болит за всех вас, за Родину!

Все просто офигели от такого ответа. Ничего подобного от этого пройдохи они не ожидали.

Но тут сержант вовремя перевел тему в другое русло:

– А ты меньше думай, Солнцев! Ты вон лучше про девок думай! Видел, какие доярки только что уехали с вечерней дойки? Огонь девки! Жирны да румяны!

– А какие у них дойки! – масляным голосом проговорил крепыш.

Сержант его поддержал:

– Вот видишь, Солнцев, о чем нужно думать! Бери пример с Парамонова!

– С него что ли? Да Колька вообще больше ни о чем думать не может! Специалист узкого профиля! – звонким голосом ответил рыжий.

– Кто тут специалист широкого профиля? – раздался командирский голос Старновского, который незаметно подошел к солдатам, чтобы оценить объем проделанной работы.

Все бойцы быстро соскочили со своих мест и встали, ожидая дальнейшей команды.

– Виноват, товарищ лейтенант, не заметил, как вы подошли! – извинился сержант за то, что не успел подать команду «смирно».

Старновский перевел взгляд на рыжего.

– Вот что, Солнцев, специалист широкого профиля, сбегай отнеси-ка оба топора в сторожку и бегом в столовую!

– Есть! – бросился исполнять приказ рыжий.

– Сержант, командуйте личному составу построение и в столовую марш! Но сначала к умывальникам – мыть руки!

– Есть! Отделение, стройсь!

Лейтенант осмотрел яму, столбы, и с довольным выражением лица пошел вслед за солдатами.

По дороге его перехватил председатель. Он сунул ему в руки солидную холщовую сумку:

– Александр Сергеевич, вот здесь все, что вы заказывали. А вот сдача! – Павел Прокопьевич также передал мятую купюру и мелочь.

– Может, с нами?

– Извините, Александр Сергеевич, но мне правда некогда! Я счас уезжаю на машине! Наган, как вы и сказали, беру с собой! Да и шоферу тоже надо домой!

– Понял, Павел Прокопьевич!

– Вы видели, у нас на входе в клуб за столом сидит пожилая женщина?

– Видел!

– Её Аграфеной Никитичной зовут. На воскресенье она тут за главного остается. У неё телефонная связь с моим домом, то есть с деревней, с милицией на Центральной усадьбе, и даже с Брестом. Я ей сказал, что вечером вы позвоните в часть! Вам же нужно доложиться?

– Спасибо! Я все понял!

– Ну прощайте! Мне пора! Завтра воскресенье, вряд ли я приеду, так что все вопросы решайте с Аграфеной Никитичной!

– До свиданья!

Председатель быстрым шагом пошел к стоявшей рядом полуторке, сел в неё, на прощание махнул рукой, машина завелась и они уехали.

Лейтенант подошел к сторожке.

– Как служба, дед?

– Да нормально!

– Это хорошо. Скажите, а вас как звать?

– Михалыч меня тут все кличуть. Я так и привык!

– Скажите, а доярки утром во сколько приедут?

– Что, понравились?

– Да мне просто знать, во сколько мне своих орлов будить, чтобы они с ними не пересеклись!

– А, понятно! В шесть часов! За пару часов все закончат, а потом их домой увезут. До вечера.

– Ладно, личному составу объявлю, что завтра подъем будет в восемь утра! Вот то-то выспятся мои солдатики!

– Эх, а вот как нас унтеры гоняли! Так вы по сравнению с ними просто ангел! Солдатики, я гляжу, не ругаете, вежливо так с ними!

– Как ангел, говорите? – Старновский улыбнулся. – Так меня еще никто не называл!

– Ну да, солдатиков не мордуете, не орете на них. Вежливо так, но требовательно. Правильный вы командир! А у меня глаз намётанный!

Вдруг из-за сторожки вывернулся рыжий боец.

– Солнцев, а ты что тут делаешь? А ну бегом руки мыть и в столовую!

– Я, товарищ лейтенант, тут с Джуликом поиграл! Собак очень люблю! – и Солнцев пулей помчался в направлении столовой.

– Что за Джулик? – удивился Старновский.

– Дык, это Джульбарс, собака моя, караульная. Мне без неё никак нельзя! Она у нас даже на довольствии стоит!

– Ладно, Михалыч, пойду я свое войско кормить!

А Солнцев тем временем мчался вперед, как вихрь, и в голове у него вертелось слово «Ангел»! Но когда подбежал к умывальникам, которые стояли рядом со столовой, в голове прояснилось, и он вспомнил, что завтра с утра приедут доярки. Надо будет только раньше всех встать. В шесть часов утра, и встретить их, пока все остальные спят...

Нет, не в пять, а полшестого. Надо же будет себя в порядок привести. Классический вариант «первый парень на деревне, а в деревне один двор», конкурентов у него не будет. Все женщины будут смотреть только на него одного. А вдруг с кем-нибудь удастся и познакомиться поближе?

Тут он увидел идущего лейтенанта и стремглав забежал в столовую. Остальные уже наворачивали гречневую кашу с котлетами.

– Солнцев, садись сюда, здесь твоя тарелка! – кивнул сержант, прохаживающийся между столами.

Старновский подходил к столовой, терзаемый какими-то тревожными чувствами. Председатель! Когда Александр посмотрел на отъезжающий грузовик Павла Прокопьевича, ему вот прямо почувствовалась какая-то опасность. И было такое ощущение, что эта опасность исходила из леса. И как только грузовик скрылся за поворотом, Александру стало не по себе.

Такое чувство у него уже было пару раз. И всегда после этого приходила чья-то смерть. Один раз в детстве, когда утонул один из его товарищей. А второй раз в училище, когда на учениях, в аварии погиб один из курсантов.

Александр остановился возле крыльца столовой, присел на скамеечку, закурил. Полотняную сумку поставил рядом. Отсюда край леса был хорошо виден. До него было метров шесть-сот-семьсот. Лейтенант смотрел вдаль и постепенно сам себя успокаивал.

– Нету тут никаких диверсантов. Что им тут делать возле колхозных полей?

В это время из столовой вышел сержант, и, увидев Старновского, сильно удивился:

– Товарищ лейтенант, а я думал, что вы не курите!

– Не курю! Но иногда балуюсь!

– Это вы зря! Лучше не привыкать! Я вон порой как маюсь, когда курева нет!

– Угощайся! – Старновский протянул ему свое портсигар.

– Спасибо, товарищ лейтенант!

– Ну, как там наши орлы?

– Жрут, как волки!

– Хорошо! Ты ел?

– Только после того, как примет пищу личный состав. Я вас жду!

– Ты самогон пьешь? – спросил Старновский, и, увидев крайне изумленный взгляд Васильева, тут же поспешил его успокоить: – У меня завтра день рождения!

– А почему сегодня?

– Сядем отмечать, я все объясню! Ну так как? Будешь с начальством пить?

– С вами, товарищ лейтенант, с превеликим удовольствием. Мы всегда с культурными и умными людьми поговорить рады!

– Ну и хорошо! Твоя задача прихватить посуды и котлет, сколько выпросишь! И к нам в комнату. Остальное у меня есть. Ах да, и про компот не забудь. Пусть в банку нальют!

– Понял, разрешите приступить к выполнению?

– Разрешаю! Я тебя здесь подожду!

В это время солдаты стали лениво выползать наружу. Но, увидев мрачно сидящего лейтенанта, быстренько построились и замерли, глядя на него.

Старновский поднялся, потушил сигарету, бросил её в урну и подошел к солдатам.

– Солнцев, ты старший, веди отделение в клуб. Разрешаю погулять на прилегающей территории в пределах видимости клуба. Завтра подъем в восемь. Отбой через полчаса!

– Как через полчаса? – вырвалось у кого-то из заднего ряда.

– Хорошо, через час! Рядовой Солнцев, остаетесь за старшего! Ведите личный состав на отдых!

– Есть! Разрешите выполнять!

– Разрешаю!

– Отделение, смирно! – вдруг рявкнул Солнцев звериным голосом.

Все от неожиданности вздрогнули и безукоризненно выполнили команду.

Он продолжил:

– НаправУ! Раз-два! Вперед шагом марш! Раз, раз, раз, два, три!

Тут вышел сержант с эмалированным ведром, и, кивнув в сторону удаляющегося строя солдат, спросил:

– Это кто? Солнцев?

– Да, я его назначил старшим, пока мы с тобой отдыхать будем!

– Правильно! Шустрый парень! А я тут у поварих ведро выпросил, для маскировки! Хорошие бабоньки! Добрые!

– Они что, тут ради нас остались?

– Да нет, они на суточную смену заступают. К приезду доярок они им завтрак должны будут сделать. Потом с ними и уедут!

– Понятно, ну что, пошли?

Глава 5. Чует мое сердце, что мы на пороге грандиозного шухера

Солдаты сидели возле клуба, смолили сигарки и слушали Солнцева.

– Ну сами посудите, все мы тут, окромя сержанта, проштрафившиеся. Казалось бы, плохо, кино завтра не посмотрим, а с другой стороны глянь, кормят-то тут от пуза, спать можно больше, на строевые и прочие занятия гонять не будут. Да и яму-то, такой-то толпой, выкопали влёгкую! Теперь только не переусердствовать со строительством этого погребца, а то живо обратно в часть отправят! А тут-то, посмотрите, ребята, как хорошо. Сидим, курим. Никто не гоняет. Счас спать завалимся! Вот оно солдатское счастье!

– А я бы лучше кино посмотрел! – мечтательно произнес худенький Воробьев. – Да и пострелял бы с удовольствием. В среду, говорят, стрельбы будут. А мы тут сиди до следующей субботы!

– Верно! – поддержал его Степан. – Там не погреб будет, а блиндаж в три наката на целый взвод, вы видели, какие здоровенные бревна? И сколько их много? Даже я замучился их обтёсывать! Так что долго возиться придётся!

Рыжий встрепенулся:

– А ведь и верно, это же будет готовый блиндаж в три наката! Ребята, чуйка у меня какая-то нехорошая! Чует моё сердце, что мы на пороге грандиозного шухера!

– Да перестань ты тут панику разводить, а то вон, как лейтенанта, прищучат, мало не покажется! – цыкнул крепыш Парамонов.

– А я панику не развожу! Я, между прочим, все сведения воедино собираю, голова ты садовая!

– Сведения он собирает. Воедино! Стратег нашелся! Раз старшим назначили, значит, самый умный? Вон у нас Женька Воробьев поумнее тебя будет, городской. Школу закончил, потому и призвали в 17 лет и сколько месяцев?

– 9 месяцев, – ответил худенький боец.

– А все потому, что Воробьев закончил школу в год призыва. А год призыва заканчивается в декабре, а 18 лет ему исполнилось тоже в декабре. Но ты не смотри, что он самый молодой, зато самый грамотный, не то что ты! – Парамонов с победным видом глянул на Солнцева.

– Ну хорошо! – не сдавался рыжий. – Вот пусть нам Женька и скажет, прав наш лейтенант или нет?

– А что я-то? – смутился молодой боец.

Парамонов продолжил:

– Ну так скажи, а то мы тут все не из вашего взвода, вашего лейтенанта плохо знаем. А ты с Солнцевым и Тишей Васильевым из второго взвода.

– Ну, что я скажу? Старновский командир грамотный, начитанный, много знает, да и сам по себе мужик умный! Что его не спросишь, всё знает!

– Во-от!!! – обрадовался Солнцев. – Наш лейтенант абы чего сдуру не ляпнет! Докладную написал! ДокУмент! Понимать надо! И органы компетентные проверку провели. И не арестовали, а вот сюда сослали, с глаз долой, ну и чтобы обидно ему было! Вот и сидят там сейчас с сержантом, самогон с горя пьют!

– Не язык у тебя, а помело, Вася! – солидно сказал Степан, поднимаясь во весь свой богатырский рост. – Ну пьют, а то наши офицеры тоже самогон не глушат? Еще как глушат! Пойдемте, мужики, лучше спать, пока есть возможность! Сил завтра много понадобится!

А тем временем в комнате для гостей на втором этаже лейтенант и сержант уже сидели за небольшим столиком, уставленным тарелками с котлетами, малосольными огурчиками,

салом, большим караваем черного деревенского хлеба и прочей снедью, а над всем этим великолепием возвышалась солидная бутылка первоклассного самогона!

– Ну, за Сталина выпили, закусили, теперь давай по второй! – скомандовал Старновский. Васильев кивнул и разлил по железным кружкам самогон, аккуратно по половине.

– Вот, что Григорий Иванович! – начал лейтенант. – У меня завтра день рождения!

– 22 июня?

– Да! Вот ты спрашивал, почему я захотел отметить день рождения сегодня, отвечаю. Вот смотри, командую я 2-ым взводом 2-ой роты 2-го батальона, 22-го мотострелкового полка, 22-ой танковой дивизии!

– Ого! Что-то я сразу не сообразил, а и то верно, вы же из второго взвода!

– Но и это еще не все. Сегодня мне еще 22 года, а завтра, 22 июня 1941 года исполнится уже 23 года. Чувствуешь, что магическое сочетание цифры «2» пропадает?

– Так то ж цифры!

– Скажу тебе по секрету, у меня никогда ничего с первого раза не получалось. Всё всегда только со второго раза! Только в военное училище поступил с первого раза! Вот тебе и цифра «2».

– Судьба!

– Вот, правильно говоришь, судьба! Вот давай за неё и выпьем, и пусть нехорошие предчувствия останутся в прошлом, и пусть завтра все будет хорошо!

– И за ваш день рождения!

– Спасибо! – лейтенант поднял свою кружку, они чокнулись, выпили, закусили.

– Хорошо пошла! – одобрительно закивал сержант. – Знатный самогон!

– Председательский! Я его попросил привезти, сказал, что на день рождения!

– Хороший мужик председатель! Справный у него колхоз!

– Колхоз сильный, верно. И связь со всеми есть. Я ведь под вечер нашим позвонил, сказал, что намеченный на сегодня план работ уже выполнили, происшествий нет, спросил, какие у них новости. А дежурный лейтенант, ну командир третьего взвода, новенький.

– Белесый такой?

– Ну вот, он доложил, что мое дело о паникерстве будут рассматривать на комсомольском собрании в следующую субботу, так что в пятницу приказано нам всем вернуться в часть.

– Да вы не расстраивайтесь, товарищ лейтенант! Ну влепят выговорешник. Плёвое дело!

– Да я не расстраиваюсь, Григорий Иванович, мне просто обидно, что там наверху не видят очевидного. А если немец завтра войну начнет, он же нашу 22-ю танковую дивизию в порошок сотрет первыми же залпами орудий с той стороны. Стоим в Южном городке сученно, на открытой местности, до границы всего 2—3 километра. Неужели не видят?

– Мы же договор о ненападении подписали!

– Сержант!!! Ты что, веришь фашистам?!

Григорий смутился, и, подцепив вилкой огромную котлету, стал медленно её жевать. Основательно так. Вдумчиво.

Александр продолжал:

– Может, конечно, я чего-то не понимаю, может, у меня тут окопная точка зрения, как мне сказали в наших компетентных органах, только лейтенант, который мне это говорил, думал совсем о другом. И понял я, что в НКВД что-то знают, что-то такое, что даже им становится страшно. Хотя говорят совсем другое, голос бодрый делают. Но я-то чувствую!!! Давай по третьей и пойдем покурим!

Когда сержант разлил самогон по кружкам, Старновский поднял свой импровизированный бокал, тряхнул головой, словно отгоняя тяжелые мысли, улыбнулся и произнес:

– Третья рюмка пьётся за любовь!

– Кружка! – весело уточнил сержант.

– Тем более! Вот скажи, Григорий Иванович, у тебя есть невеста?

– А как же, есть, как осенью вернусь на гражданку, так сразу свадьбу и сыграем!

– Счастливый ты человек, Григорий Иванович! Ну, за любовь!

Когда выпили, сержант спросил, закусывая хрустящим огурчиком:

– А у вас, товарищ лейтенант, есть невеста?

– Жена! Я Григорий Иванович когда весной в отпуск ездил, женился! Сговорились, что осенью, когда мне дадут отдельную комнату, она ко мне приедет. Да вот теперь не знаю, стоит ли ей сюда ехать. Вон что на границе происходит!

– Ну, товарищ лейтенант, опять вы про немцев. Сдались они вам? Пойдемте лучше покурим! – предложил сержант, опасаясь, что офицер сейчас начнет напиваться с горя. Вон их командир первого взвода вообще по этому делу оказался мастак!

– А и то верно, Григорий Иванович, пойдем-ка на свежий воздух, покурим! А потом по последней и на боковую!

Сержант сразу повеселел. Наверное, бутылка самогона была рассчитана на целую неделю, такими-то маленькими дозами!

Когда они проходили мимо дежурной, та их окликнула:

– Товарищ лейтенант! Связи с Центральной усадьбой нет, и с Брестом тоже! Только до деревни и успела дозвониться, так председатель еще до дому не доехал. Хотя чего тут ехать-то?

Старновский остановился и странно так посмотрел на Аграфену Никитичну. Сержант поспешно сказал:

– Да подумаешь, беда какая! Наверное, коммутаторная сломалась, техника – она всегда ломается!

– Так в первый раз такое случилось!

Старновский, словно очнувшись, спросил:

– А председатель часто домой опаздывает?

– Да случается. Председатель же. То одно, то другое!

– Это хорошо!

– Что ж хорошего, жена его, почитай, и не видит дома!

– Хорошо, что живой! – нашелся что сказать лейтенант и быстренько вышел на крыльцо.

Сержант покачал головой и направился следом.

Курили молча. Старновский о чем-то думал, Григорий Иванович начинать разговор тоже не хотел. Наконец лейтенант произнес, затушив сигарету:

– Григорий Иванович, у тебя знаки различий сержантские запасные есть?

– Петлички-то? Есть!

– Нужны новые!

– А треугольники к ним нужны?

– Нет! Просто чистые сержантские петлички. Как у ефрейтора.

– И кому присвоили?

– Солнцеву и Степану Орловскому! Сегодня утром по телефону сказали! Завтра в обед их и поздравим. Я попросил председателя конфет купить, вот он и привез. Угостим всех, а заодно и поздравим новых ефрейторов, знаки различия вручим, так сказать, в торжественной обстановке!

– Так вот почему вы Солнцева за старшего оставили, а не моего Стёпку?

– Так твой Степан из первого взвода! А Солнцев мой! Способный боец! Шустрый! Стреляет хорошо! Лучше него в роте стреляет только Воробьев!

– И оба из вашего взвода!

– Потому мы и лучшие! Вот ваш первый взвод, одни залётчики. Половина проштрафившихся ваши. Не удивительно, что из всех сержантов тебя отправили!

- Ну вот такой у нас взводный, злой как собака. Не то что вы!
- Ладно, пошли обратно, а то смотрю на лес, и муторно становится. Только бы председатель живой был!
- А что с ним делается? Мы его еще увидим!

Глава 6. 22 июня 1941 г. Раннее утро

– Тащ лейтенант! Тащ лейтенант! Проснитесь! – теребил за рукав спящего Александра встревоженный Солнцев.

Старновский тут же проснулся и сел на краешек кровати.

– Что случилось?

– Самолеты! – Солнцева колотила мелкая дрожь.

– Какие самолеты? – не понял лейтенант и машинально посмотрел на свои часы. Времени было шесть часов двенадцать минут.

– Сторож говорит, немецкие! Кресты на самолетах видел. У него бинокль старенький, говорит, ошибки нету. Дежурная от страха ничего не сообщает, всё телефоны накручивает. Да всё без толку. Связи нет! Доярки так и не приехали! – выпалил разом рыжий.

Сержант тоже проснулся и уже надевал галифе. Лейтенант также стал торопливо одеваться.

– Что еще?

– Дед и дежурная еще утром, около четырех часов, услышали далекий гром. Вроде как со стороны Бреста. Думали, гроза будет. А сейчас вот самолеты увидели! Я их сам, своими глазами, видел!

– Сам, говоришь, видел? – с сомнением в голосе спросил сержант.

– Видел, но только уже точки в небе. Летели на Пинск.

– Вот прямо на Пинск?

– В общем, в ту сторону!

– Личный состав где?

– Кто в гостевой комнате, кто в туалете, некоторые пошли умываться к столовой.

Как только лейтенант собрался, он сразу же ринулся вниз по лестнице. Выскочив наружу, он увидел толпящихся солдат. Некоторые были без гимнастеров, в нательных рубашках. Все смотрели на небо. Солнце неторопливо поднималось из-за леса, было свежо и безветренно. Где-то вдалеке смутно что-то громыхало.

– Тащ лейтенант, а если это война? – рядом нарисовался рыжий боец.

– Куда, говоришь, улетели самолеты? – Старновский посмотрел на обеспокоенное лицо Солнцева.

– Вон туда, тащ лейтенант! – махнул на восток рыжий.

– Действительно, получается, что в сторону Пинска, – лейтенант задумался. – Ну что же, посмотрим, если они полетят обратно, значит, точно немецкие. У сторожа, говоришь, есть бинокль?

– Да, тащ лейтенант! – видно было, что Вася Солнцев стал волноваться еще больше. – Слышите, вот опять сильнее загромыхало. На Западе. Там, где Брест!

Все замерли, напрягая слух. Действительно, доносились приглушенные раскаты.

– Может, гроза? – спросил Парамонов.

На что Солнцев уверенно ответил ему и всем:

– Не гроза это, Коля! Похоже, что артиллерия долбит и бомбы кидают. У меня слух будь здоров какой!

– Лопухий же! – попробовал схомить крепыш, но его тут же оборвал Орловский:

– Да заткнись ты, Парамоша! Не смешно!

Все прислушивались к грозным раскатам, идущим с запада.

Лица у бойцов сразу стали серьезными и озабоченными.

Тут раздался командирский голос лейтенанта:

– Значит, так, товарищи красноармейцы, десять минут на то, чтобы привести себя в порядок. Потом построение возле клуба и быть готовыми к маршу. Солнцев, отойди подальше от здания клуба, чтобы оно обзор не загромождало, и следи за воздушной обстановкой. При появлении любых самолетов кричишь «воздух»! Любых, понял? Остальные, услышав команду «воздух», рассосредотачиваются и ищут укрытие. Понятно?

Солдаты нестройно ответили:

- Понятно!
- Так точно!
- Сделаем!
- Спрячемся!

Солнцев и тут доложил громче всех:

– Есть, тащ лейтенант, следить за воздухом! – и бросился выполнять приказ.

Странно, но фамильярное высказывание «тащ лейтенант» сейчас Александра совсем не коробило, даже выглядеть стало вроде как уместно – коротко и по-боевому! Ох уж этот Солнцев!

Стоящий рядом сержант спросил:

- Будем возвращаться в лагерь?
- Но сначала поговорим со сторожем! Давай за мной!

Васильев только успел скомандовать солдатам:

– Орловский, за старшего, мы пошли к сторожке! – и поспешил догонять лейтенанта.

Солдаты быстро разошлись по своим делам...

Красноармеец Лаптев, завязав вещмешок, присел на кровать и глядя как остальные поспешно выбегают из комнаты тихо сказал своему соседу:

– Слышь, Черкаш, что-то не нравится мне вся эта суета, а вдруг и вправду немец напал? Что делать-то будем?

– А ничего! Главное в нашем деле не суетиться! Это пусть другие суетятся, а мы выжидать будем! Еще неизвестно, что вообще случилось и чья возьмет!

Черкаш, белесый крепкий парень невысокого роста хищно осклабился, так что Лаптеву стало не по себе.

– А мне что-то захотелось прям сейчас рвануть домой! – он утер пот со своей круглой физиономии. – Страшно как-то становится!

– Лапоть ты и есть лапоть, а вдруг коммунисты опять победят? И что мы будем делать? А вот ежели немцы начнут верх брать, то тогда и рванем! Ну пошли, а то мы последние тут остались!

В это время возле сторожки собрались Старновский, Васильев, дед Михалыч и Аграфена Никитична.

– Что делать собираетесь? – спросила дежурная военных.

– Нужно в часть возвращаться. В лагерь! А вы что будете делать?

– Коров спасать. Благо их не так много. Подоить же надо, чтобы молоко не сгорело. Вот сейчас поварих и отправлю доить. Потом корма им зададим. На выпас уже не пойдут сегодня. Пастух-то из деревни тоже не приехал. Он на коне прямо через речку летом ездит. А сегодня нету! Значит, точно война началась! А мы тут на отшибе сидим и гадаем, что к чему!

– А ведь пастух-то мог бы и доскакать на лошади! Верно! – согласился лейтенант. – Что же они тут у вас такие не сознательные-то оказались, сразу по норам спрятались?

– Народ тёмный. Мелкобуржуазное мышление. Колхоз-то поднимали мы, присланные Минским обкомом. У всех остальных есть кусочки земли, которую им, кстати, и дала советская власть! А они, паскуды, вцепились в них и держатся! Ведь именно поэтому наш колхоз стали развивать как мясо-молочное производство. Доярки приехали, подоили, уехали. Коров пастух пасет. Ну, еще постоянные работники у нас есть из местных. Ветеринар, агроном приезжают

из Центральной усадьбы, из Больших Дворовичей (реальный прототип деревня Большие Радваничи). А ежели деревенские на работу не пришли, стало быть, слабину Советской власти почуяли и выжидают, гады! – в сердцах произнес Михалыч.

– Значит, на то у них есть основания! – как-то нехотя сказал Старновский. – Значит, что-то знают, сволочи, раз бросили советский колхоз в трудную минуту!

– Похоже, дело серьезное! – согласился дед.

– Михалыч, Аграфена Никитична, нам председатель вчера выделил два топора, может, дадите моему войску на вооружение. А то у нас только мой пистолет да лопаты! А когда все выяснится и образуется, то мы при первой же возможности вернем!

– Ой, господи, мелочь-то какая, конечно, забирайте, товарищ красный командир! – всплеснула руками пожилая женщина. – Да мы вас еще и накормим на дорожку! Доярки то не приехали, так что еды много наготовлено. С собой в дорогу возьмете!

– Спасибо, не откажемся! – поблагодарил лейтенант.

Тут Михалыч вынес из сторожки два топора и сунул их сержанту.

Старновский пояснил:

– Отдашь их Солнцеву и Орловскому. Сам давай веди бойцов в столовую, поешьте как следует, что останется – с собой возьмите. Сам тоже поешь. Потом я с Солнцевым приму пищу, так что пусть он пока наблюдателем постоит. Потом его сменишь Воробьевым. Тот тоже глазастый парень!

– Есть, товарищ лейтенант! – вытянулся сержант, показывая гражданским, что армия она и есть армия! Явление крайне сурьезное и дисциплинированное!

Александр достал карандаш и стал что-то писать на листке, подложив полевую сумку, затем свернул его вчетверо и вручил Аграфене Никитичне.

– Вот расписка за топоры!

– Да что вы, зачем она мне?

– А затем, Аграфена Никитична, если с нами что случится, а потом будут искать нас, то здесь указана дата и время, когда мы от вас ушли! И что я – это я, лейтенант Старновский, вот моя подпись стоит! Так что считайте это военной хитростью!

– Ну насмешили! – улыбнулась пожилая женщина.

– А теперь, дорогие мои, нарисуйте мне карту местности. Схематично, разумеется! Но чтобы дороги все были и реки с бродами и мостами!

После завтрака отряд двинулся в обратный путь. Оглядев свое войско, Старновский вздохнул. Двенадцать бойцов, один лейтенант, один пистолет «ТТ», который у него, один нож НР-40 (нож разведчика образца 1940 года) у сержанта, два топора, у Орловского и Солнцева, и 9 лопат. Штыковых! Две совковые лопаты оставили в колхозе «Новая Заря».

Старновский оглянулся, запоминая окрестности и ориентиры. Постройки колхоза, за ними болотистая речка, на той стороне в паре километров деревня Михасино (прототип – деревня Михалин, расположенная в 28 километрах юго-восточнее Бреста), кромка леса и проселочная дорога, ведущая вглубь леса в южном направлении. Там они выйдут на более широкую дорогу, ведущую к Бресту. На пересечении этих дорог неподалеку и стоит их учебно-полевой лагерь. За час должны туда добраться.

Глава 7. 22 июня 1941 г. Первая кровь

Солнце неуклонно поднималось к зениту. День предстоял длинный и тяжелый. В небе от летевшей воздушной армады немецких самолетов отделились две тройки юнкерсов в сопровождении четверки мессершмиттов Вf 109F и взяли курс на юго-восток.

– Вернер! – раздалось в наушниках ведущего второй пары.

– Слушаю, Ульрих! – ответил чернявый пилот.

– Фогель повел своих подопытных кроликов на тренировку, действуем как договаривались! Но при первом же сигнале тревоги сразу к нам! Понял?

– Понял! – сказал Вернер. Он одобрял желание командования обучать начинающих пилотов Ю-87В на безобидных лесных учебных лагерях и полигонах русских. Тут одним выстрелом убивалось два зайца. И пилоты натаскивались на живые мишени, и прореживались многочисленные советские военные объекты в лесном массиве. Ведь любой из этих учебных лагерей мог стать запасным командным пунктом различных отступающих частей русских.

Вернер повел свой самолет резким снижением вниз. Предстояло прочесать проселочные дороги, разведать складывающуюся там обстановку, а заодно и немного пострелять, внося хаос и панику в ряды отступающего противника. Они приближались к небольшой деревеньке. Болотистая речушка, за ней какие-то постройки местного колхоза. Вот здесь и начиналась дорога, вдоль которой следовало пролететь. Фогель со своими «подопытными кроликами» и Ульрих с напарником остались позади.

– Курт! – вызвал Вернер своего молодого ведомого.

– Слушаю!

– Впереди отряд русских солдат. Один заход, одна очередь! Давай поохотимся!

– Понял, атакую!

Небольшой сводный отряд лейтенанта Старновского уже подходил к лесу. Погода стояла просто чудесная. Пахло разнотравьем. Над полевыми цветами порхали разноцветные бабочки, деловито жужжали пчелы. Постепенно жара стала набирать силу.

Солдаты шагали в двух колоннах с некоторой ленцой. Всё же сытный завтрак сказывался. Александр позволил бойцам расслабиться, это им было вместо отдыха после принятия пищи. Минут через пятнадцать он прикажет увеличить темп движения.

Замыкающий Солнцев ткнул в бок идущего рядом Воробьева, который восторженно гладел по сторонам.

– Женька, ты чё рот раззявил, за небом смотри!

– Ничё я не раззявил! Просто красиво тут, не как у нас в городе! Всякий раз удивляюсь здешней природе!

– А ты на облака смотри, на небо!

Идущий впереди Черкашин обернулся и оскаблился:

– Ты, Жеха, еще цветочки сбегай... – но не успел договорить, как вдруг переменялся в лице и как заорет: – Воздух!!! Сзади!

Все обернулись. Прямо на них со стороны колхоза стремительно приближались два самолета.

– Рассредоточиться! – успел скомандовать лейтенант и первым кинулся в сторону.

Следом за ним врассыпную бросились солдаты. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как раздалась пулеметные очереди. Фонтанчики от пуль двух пар пулеметов мгновенно прорезали строй разбегающихся солдат. Один из них вскрикнул и упал. Тут же попадали остальные.

Истребители вихрем пронесли мимо и скрылись за кромкой леса. И тут же где-то слева раздался гул других самолетов. Александр поднял голову, подобрал свою командирскую фуражку, сжал её в кулаке. Шесть Ю-87 и два мессершмитта пролетели мимо далеко в стороне.

– Сволочи, разлетались! – сквозь зубы проговорил он и оглядел свой лежащий отряд.

Увидел, что чернявый боец сидит и корчится от боли, зажимая правой рукой окровавленное левое плечо, подбежал к нему.

Быстро оглядев раненого, Старновский сунул ему ватно-марлевую подушку с бинтом.

– Приложи к ране! Идти сможешь?

Тот скривился и попытался встать на ноги. Лейтенант его подхватил под здоровое плечо и повел к лесу, бросая обеспокоенные взоры на небо. Тут же подбежали остальные бойцы.

– Вещи подберите! – только и сказал им командир.

До леса оставалось метров семьдесят.

– Товарищ лейтенант, разрешите мне? – верзила Орловский ненавязчиво подхватил раненого на руки и быстро понес его в сторону спасительных деревьев.

Лейтенант только кивнул Степану головой, мол, давай, действуй!

Как только в лесу нашли подходящую полянку, Старновский скомандовал:

– Привал! Рядовые Камышев и Кутенко – караульные!

Раненого бережно усадили к небольшому дубу. Из нагрудного кармана Парамонова достали индивидуальный перевязочный пакет. Старновский своим острым складным ножиком осторожно разрезал гимнастерку на плече Парамонова.

– Сержант! – позвал лейтенант. – Достань-ка нашу дезинфекцию!

Васильев вытащил из своего вещмешка початую бутылку первоклассного самогона и плеснул на ватно-марлевый тампон.

Сержант как следует обработал края раны, после чего лейтенант ловко начал перевязывать Парамонова.

В это время за лесом стали раздаваться взрывы. Потом еще и еще. Стоявшие рядом бойцы повернули головы в ту сторону и замерли.

– Похоже, наш летний лагерь бомбят, товарищ лейтенант!

Старновский на минутку тоже замер с бинтом в руке, прислушался, а затем скомандовал:

– Камышев, Кутенко, отправляетесь на разведку! Пройдите по дороге до поворота, далее через двести метров будет поле, на котором нас девушки обогнали на машине. Оттуда хорошо видно и деревню, и лес, за которым стоит наш лагерь. Бегом туда, посмотрите, есть ли дым от взрывов и где именно. Бегом марш!

– Есть на разведку бегом марш! – повторил приказ Камышев, и они с лопатами наперевес, словно с винтовками, трусцой побежали вперед.

– Остальным удвоить внимание. Солнцев и Воробьев караульные. Садитесь в секрет вон возле той поваленной сосны! – рукой Лейтенант указал на лежащее в тридцати метрах дерево. – Один смотрит налево, второй направо.

– А где наши истребители? – спросил Лаптев.

Лейтенант молча перевязывал раненого. Вопрос так и повис в воздухе. Ответа ни у кого не было. Лейтенант, закончив перевязку, осторожно хлопнул по здоровому плечу Парамонова:

– Ну вот, Николай, теперь жить будешь! – улыбнулся командир. – Ранение пустяковое, касательное, но крови ты потерял прилично. Счас полчаса отдыхаем, ждем разведчиков!

– Товарищ лейтенант, а можно мне дезинфекцию внутрь принять? Граммов сто! – чуть ли не взмолился Парамонов.

Лейтенант грустно улыбнулся:

– Не сейчас, рядовой. Ты потом идти не сможешь. Тебя совсем развезет.

Остальные бойцы лежали на траве, и то молча смотрели на окровавленные бинты, то отворачивались, и всё время слушали отдаленный грохот взрывов. Он то прекращался, то начинался снова.

Первым не выдержал молчания Лаптев. Он, отерев пот со своей круглой физиономии, спросил раненого:

– Ты как, Коля?

– Да нормально всё!

– Товарищ лейтенант, а может, его обратно в колхоз отвести? Мы бы с Черкашом, то есть с Черкашиным, мигом бы туда и обратно обернулись!

– Не хочу я ни в какой колхоз, я со всеми хочу! – категорически заявил Парамонов.

Но Лаптев не сдавался:

– А вдруг у тебя заражение будет? А потом гангрена?

– Откуда ты знаешь?

– Так я же рядовой-санитар, из санитарного отделения второй роты, ты что, забыл, что ли?

– Да не забыл! Только я с лейтенантом пойду обратно в часть! А уж оттуда можно и в госпиталь! Военный!

– В какую часть? Ты что, не слышишь? Это их бомбят!

Пока они препирались, Воробьев шепнул Солнцеву:

– Смотри-ка, как наш Лапоть хочет с Черкашом слинять!

– С чего ты взял?

– А ты погляди за ними внимательнее! Давно уже снюхались!

– Ладно ты, тише! – рыжий оглянулся, не слышал ли кто. Вроде никого рядом не было.

Лейтенант тоже с некоторым интересом смотрел на Лаптева и на Парамонова. Оценивал каждого. Понять, чего тот и другой добивались, было несложно.

Понял это и Черкаш, который зло цыкнул.

– Да заткнись ты, Лапоть, не видишь, человек хочет с коллективом остаться!

Тот обиженно умолк и отошел в сторонку.

И в это время отдаленный грохот разрывов прекратился.

Солдаты настороженно замерли.

– Похоже всё, отбомбились! – сказал Осадчий, боец в полинялой пилотке.

Чтобы как-то взбодрить людей, Старновский громко спросил:

– А кто первый обнаружил самолеты?

Солнцев от поваленной сосны громко ответил:

– Черкашин, он как раз к нам обернулся, товарищ лейтенант! – полностью произнес звание командира Вася.

Лейтенант встал, подошел к белобрысому, невысокого роста красноармейцу.

– Рядовой Черкашин! Объявляю вам благодарность за бдительность!

Тот продолжал сидеть, словно его это не касается.

Лаптев дернул его за рукав:

– Ты чё, Витек, встань и скажи «Служу Советскому Союзу»!

Лейтенант нетерпеливо напомнил:

– Красноармеец! Согласно статьи 31 Устава внутренней службы РККА 1937 года на благодарность командира подчиненный отвечает: «Служу Советскому Союзу», приняв стойку «смирно»! Понял?

Черкашин подчеркнуто медленно встал, не застегивая воротничка, тихо, но отчетливо произнес:

– Служу Советскому Союзу!

Лейтенант хотел одернуть его, но передумал, все же этот рядовой кому-то сегодня точно спас жизнь.

– Рядовой Черкашин, может вам благодарность командования не нужна, так вы не стесняйтесь, скажите! – не удержался от едкого замечания Старновский, с интересом глядя на своего подчиненного. И продолжил:

– А то я уж, грешным делом, решил вас поощрить по прибытию в часть самогончиком! – продолжил лейтенант со слегка издевательской интонацией, да так, что было непонятно, то ли он шутит, то ли вправду обещает.

Среди слушавших солдат прошла волна оживления, а внутри Черкашина что-то такое ёкнуло, от чего он быстро ответил:

– Виноват, товарищ лейтенант! Просто я в чувство прийти не могу. Всё же под пулями вместе сегодня были! – он сделал акцентированное ударение на словах «вместе сегодня были».

Прибежали запыхавшиеся разведчики:

– Товарищ лейтенант! Там трупы. Председатель и его водитель!

Глава 8. 21 – 22 июня 1941 г. Группа обер-фельдфебеля Вернера

– Курт, долго мы еще будем тут торчать и ждать? – спросил обер-фельдфебеля Вернера его собеседник в одежде капитана НКВД. Оба лежали на краю леса и рассеянно следили в бинокли за русскими, которые то и дело появлялись среди построек местного колхоза возле деревеньки Михасино, но к стоящей возле ворот полуторке пока не подходили.

Курт Вернер (прототип обер-фельдфебеля Вернер, командир группы диверсантов из полка «Брандербург-800, погибший в ходе неудачной попытки захвата советского моста через реку Западная Двина в Екаюпилс (Якобштадт) 28 июня 1941 года) лениво поглядел на «НКВДэшника».

– Капитан Бунин, потерпите немного! И почему вам, русским, надо сразу всё и много! Рано или поздно этот грузовик оттуда уедет. Лучше подождать пару часов, чем испытывать удачу на других дорогах. Кругом русские военные лагеря. А здесь мы машину возьмем без всякого ненужного риска и тихо!

Сегодня ночью их тайно забросили на территорию СССР как раз на поля рядом с этим колхозом. Место удачное, кругом лесные массивы. Да и дорога проселочная не даст заблудиться. А сама деревенька с колхозом – отличный ориентир для легчиков. Группа диверсантов из полка «Бранденбург-800» под командованием обер-фельдфебеля Курта Вернера насчитывала 18 человек, из которых 8 были в форме НКВД, остальные в немецком камуфляже.

Целый день они отлеживались в лесу, выжидая время и следя за дорогами, но к вечеру решили, что лучший способ завладеть грузовиком – это устроить засаду на колхозную полуторку. Вот они её и караулил. Грузовик нужен был для повышения мобильности всей группы.

Бунин нетерпеливо произнес:

– А может я со своими схожу туда? Всё равно завтра начнется война!

– Ваша форма, конечно, у этих крестьян вызовет страх, но я видел среди местных и солдат. Зачем рисковать раньше времени? Деревня за речкой! Один случайный выстрел, и там услышат! А у нас особое задание, господин Бунин. Не забывайте!

– И откуда тут солдаты?

– Как это у вас говорят? Шефская помощь!

– Не у нас, а у них, краснопузых!

– Вы так ненавидите своих собратьев?

Бунин, чуть сузив глаза, посмотрел на немца. Хоть и фельдфебель, но он тут командир, а не бывший штабс-капитан Николая Бунин. Поэтому он тихо сказал, с некоторой издевкой:

– Дворянин и холоп никогда не были братьями! И не будут!

– Что значит холоп? – переспросил немец.

Бунин понял, что произнес это слово по-русски.

– Холоп – значит крепостной крестьянин! Раб по-вашему! – пояснил он, снова уткнувшись в бинокль.

Теперь Вернер недобро поглядел на своего собеседника:

– Я есть крестьянин, гротсбауэр!

– Так то у вас, у немцев, крестьяне свободные люди! У нас в России холопы – они и есть холопы! Даже если он «кулак», ну, по-вашему, гротсбауэр!

– Скоро все русские станут рабами, как это у вас говорят? Холопами! А вы, господин Бунин, получите назад свое поместье! – немного раздраженный аристократическими нотками своего собеседника, сказал Вернер, но быстро взял себя в руки. Ведь скоро и он получит свое поместье с рабами. Да побольше, чем у этого русского дворянина!

– Я знаю, что Германия ценит солдат, которые за неё сражаются! – примирительно сказал бывший штабс-капитан.

– Хорошие слова, Бунин! Хорошие!

Они замолчали.

Вскоре диверсанты из полка «Бранденбург – 800» увидели, что в грузовик сел водитель...

– Смотри, Петро, никак НКВДэшники! – сказал председатель, глядя, как к ним навстречу, по лесной дороге, во главе трех бойцов идет капитан в светло-синей фуражке с малиновым околышком, гимнастерке защитного цвета и синих галифе, заправленных в сапоги.

У сержанта и двух рядовых были ППД, которые они держали наготове. Капитан замахал руками, приказывая остановиться.

– И что они тут делают, под вечер? Чего их нелегкая несет? – проворчал шофёр, тормозя свою полуторку.

– Наверное, что-то случилось! – высказал предположение Павел Прокопьевич.

– Никак диверсантов ловят? – удивился шофер, совсем молодой, крепкий парень.

Тем временем капитан властным голосом сказал:

– Всем выйти из машины! Проверка документов!

– А что случилось? – немного встревоженным голосом спросил председатель, успев отметить, что для капитана НКВД командир староват. Может, он у них из рядовых так долго дослуживался? Павел Прокопьевич посмотрел на приближающихся сотрудников НКВД, и что-то в их походке ему не понравилось.

– Предъявите ваши документы! – снова потребовал капитан.

– А что случилось?

– Диверсантов ловим!

– Ах, вон оно что! – сказал председатель и потянулся во внутренний карман своего серого пиджачка. И как только он протянул свой паспорт капитану, тот сразу же неуловимым движением ткнул его прямо в сердце невесть откуда взявшимся ножом...

«За что?» – только и успел подумать Павел Григорьевич и замертво рухнул под ноги диверсантов.

К шоферу, который еще стоял возле дверцы автомобиля, сзади подскочил немец в камуфляже и отточенным движением полоснул парнишку по горлу ножом.

– Чисто сработано! – словно о хорошей работе сказал обер-фельдфебель Вернер, вытирая свой окровавленный клинок о рубаху шофера и добавил: – А теперь, парни, трупы убрать и быстро в машину!

Из кустов высыпал десяток людей в камуфляже с немецким оружием. Один из «НКВДэшников», в звании сержанта сел за руль, рядом с ним разместился Бунин. Остальные полезли в кузов. Немцы на головы надели русские пилотки с красными звездами. Издалека видно!

Если кто со стороны посмотрит на едущий грузовик, то и внимания-то не обратит, что едут какие-то странные бойцы в камуфляже! Ведь и так видно, что это НКВДэшники! Наверное, диверсантов ловят или контрабандистов! Понимать надо! Да и вон старшина и двое рядовых в форменных фуражках сидят возле кабины с автоматами ППД на груди! Сзади еще трое бойцов в форме НКВД с винтовками Мосина. И никому в голову не придет, что они маскируют других и отвлекают на себя внимание!

Обер-фельдфебель Вернер командовал:

– Оглядеться! Все на месте?

– Все 18 человек! – ответил белокурый здоровяк в форме старшины НКВД.

– Немецкое оружие не показывать! Держите его внизу! Русское наоборот держите на виду! Давай, Виктор, поехали! – Вернер стукнул рукой по кабине...

Этим же вечером, в штабе 4-ой армии, находящемся в городке Кобрин, 41-й километр восточнее Бреста, начальник штаба четвертой армии полковник Сандалов Леонид Михайлович (историческая личность) принимал тревожные сообщения от командиров частей и начальников пограничных застав о наличии явных признаков сосредоточения немецких войск на границе. Эти данные работники штаба армии тут же направляли в штаб Западного особого военного округа.

Из своего кабинета вышел командующий 4-ой армии генерал-майор Коробков (историческая личность), и, глядя на суету своих подчиненных, в сердцах сказал Сандалову:

– Леонид Михайлович, а я ведь с Павловым (командующий округом) только что разговаривал, предложил поднять по тревоге 42-ю дивизию (стрелковая, та самая из Бреста), сказал, что, как командующий армией, имею право поднять по тревоге одну дивизию.

– А что он?

– Как что! А он испуганным голосом как завопит, чтобы я ни в коем разе не вздумал этого делать! Это же паникерство чистой воды! Нас потом...

Коробков взглянул на Сандалова грустными, как у коровы, идущей на заклание, глазами. Идущей и понимающей, что с ней дальше будет...

– Но как же так, Александр Андреевич! Ведь, чтобы вывести из Брестской крепости все войска, в мирное-то время нужно больше трех часов! А если...

– Ну, а если что случится, то броня крепка и танки наши быстры!

В это время пошли доклады работников штаба:

– Из Бреста сообщили, что в некоторых районах погас свет.

– На железнодорожной станции тоже погас свет и вышел из строя водопровод! Теперь паровозы невозможно заправить водой!

Через несколько минут погас свет в штабе. Тут же зажгли свечи и керосиновые лампы.

– Полковник Сандалов, выясните, в чем дело! – недовольно бросил генерал-майор.

Через две минуты Леонид Павлович докладывал:

– Авария на электростанции в Кобрине. Сейчас в штабе запустим резервные генераторы!

Вскоре в помещении появился свет, и все с облегчением вздохнули, принявшись с новой силой суетиться над своими бумагами и телефонами.

Но радость была недолгой.

Вскоре зашел начальник связи армии полковник Литвиненко (историческая личность) и доложил:

– Товарищ генерал-майор! Со штабом округа и со всеми войсками проволочная связь прекратилась! Исправной осталась одна линия на Пинск! Я разослал людей для исправления повреждений!

– Немедленно восстановить связь! – истеричным голосом заорал генерал-майор. – Немедленно, полковник! – и в этом истошном крике было что-то от раненого зверя. Смертельно раненого!

Данная сцена трагедии лета 1941 года почти полностью основана на реальных событиях, описанных в мемуарах Л. М. Сандалова.

Предчувствия генерала Коробкова не обманули. 22 июля 1941 года он был расстрелян, как один из виновников военной катастрофы... И решение посоветоваться с Павловым о том, чтобы поднять 42-ю стрелковую дивизию, явилось краеугольным камнем на условном надгробии командующего 4-ой армии генерала-майора Александра Андреевича Коробкова. Нужно было, никого не спрашивая, взять и поднять эту дивизию по боевой тревоге! Имел право!

Ну, а отсутствие проводной связи резко сужали возможность управления войсками в условиях нарастающей неразберихи и зарождающейся в душе командования паники! Они-то знали, что хорошо подготовленных оборонительных рубежей не было...

А в это время группа немецких диверсантов обер-фельдфебеля Вернера продолжала уничтожать линии связи. Вместе с остальными отрядами полка «Бранденбург-800».

Символом ночи с 21 на 22 июня 1941 года были оборванные провода и поваленные телеграфные столбы. В принципе, этот стереотип не противоречит историческим фактам.

Глава 9. 22 июня 1941 г. Первые приобретения отряда Старновского

– Их нельзя трогать до приезда милиции! – испугано проговорил Воробьев, глядя на лежащие возле придорожных кустов трупы шофера и председателя.

– Это верно! – подтвердил Черкашин.

Лейтенант внимательно осматривал убитых, не дотрагиваясь до них. Оба лежали лицом вниз, но опознать их было несложно по одежде. На пыльной дороге были видны следы волочения, которые начинались с середины проезжей части. Там же виднелись следы шин грузовика.

Лейтенант негромко спросил:

– Кутенко, Камышев, вы тут ничего не трогали?

За обоих ответил Камышев:

– Нет, товарищ лейтенант! Как увидели, сразу поняли, что они того... Мертвые! Мы ведь побежали к полю, следить за бомбежкой!

Лейтенант кивнул, доклад принят. Вспомнил, что разведчики доложили о бомбежке. Следы дыма они увидели в стороне учебного лагеря, а вот взрывы уже застали далеко в стороне. Очевидно, бомбили дорогу западнее лагеря. Старновский вздохнул. Предчувствия были недобрые. Если их батальон снялся с лагеря и направился в Брест, то как раз на дороге их и могли накрыть. А тут еще убитые появились.

Лейтенант вспомнил, как он неуютно себя чувствовал вчера вечером, глядя на кромку леса. Теперь он все понял. Кто-то караулил машину председателя. Смотрел на них. Вот этот взгляд он и ощущал странным образом. Теперь Александр в этом был уверен!

Старновский осторожно перевернул тело Павла Прокопьевича, внимательно посмотрел на рану. Удар был нанесен точно в сердце.

– А шофера ножичком по шее! – заметил Черкашин.

– Тебя, кажется, Виктор зовут? – спросил его лейтенант.

– Ну да, Витюня!

– Виктор, а тебе не кажется, что их убил профессионал?

– Опытный убийца, что ли?

– Ну да, это я и хотел сказать. Вернее, даже двое как минимум. А вон посмотри, следы еще нескольких людей!

Все солдаты, перетаптываясь на месте, стали смотреть туда, куда показал рукой лейтенант. На пыльной дороге и на обочине виднелись неясные очертания, похожие на отпечатки сапог.

– Ножиками эти бандиты точно умеют пользоваться! – согласился Черкашин.

– Смотрите, тут подошва чётко отпечаталась! – вдруг воскликнул Солнцев.

– Ну и глазастый же ты, Вася! – похвалил его Старновский, внимательно осматривая след каблука на сырой, глиняной земле возле травы за обочиной. То, что увидел лейтенант, ему явно не понравилось. Он припал на колени и еще раз осмотрел след. Потом подозвал Солнцева.

– А ну, Вася, наступи рядом!

Рыжий боец все понял и старательно отпечатал каблук своего сапога рядышком с обнаруженным следом.

– Вот те на! – удивился Черкашин, который подошел ближе всех.

– Видишь, десять гвоздей по периметру каблука и два в середине, повдоль, а у Васиного сапога одиннадцать гвоздиков и все по краям. У немцев крупные гвозди. Смотри, какие крупные у них отпечатки. Это потому что они выпуклые, да к тому же семигранные. Вдавлива-

ются в землю, как шипы, и не дают скользить ноге. А вот наши гвоздики с плоской, маленькой шляпкой, – лейтенант даже ошупал след рукой.

– А откуда вы это всё знаете?

– Пограничники рассказали.

Воробьев как-то тревожно спросил:

– Так значит, это немцы? Так далеко у нас в тылу? Диверсанты?

Лейтенант утвердительно сказал:

– Они самые!

Черкаш сдвинул пилотку на самый лоб и удивленно спросил:

– А чего же они тогда председателя-то порешили?

– Грузовик им нужен был. Вот что.

– Значит, их тут сейчас нет, тащ лейтенант? – тихим и немного испуганным голосом спросил рыжий боец.

– Уехали! – сказал Старновский, затем встал и отряхнул ладони, стукнув их одну об другую.

– Товарищ лейтенант, надо бы бдительность усилить! – заметил сержант.

– А вот это верно ты заметил, Григорий Иванович! – лейтенант отряхнул и поправил свою форму. Видно было, что он тоже немного встревожен. Однако виду старался не показывать, поэтому тут же произнес:

– Вот что, товарищи бойцы, сейчас выдвигаемся дальше, Солнцев, ты идешь головным дозором. Воробьев, идешь посередине между Солнцевым и отрядом. Передаешь его условные знаки нам, особенно на поворотах. Если по дороге заметите что-то подозрительное, машете руками вот так!

Лейтенант выразительно махнул рукой в сторону кустов и продолжил:

– Остальные, увидев данный сигнал дозорных, маскируются в лесу в двадцати метрах от обочины дороги и осуществляют наблюдение. Если это будет враг и я скамандую атаку, все дружно бросаемся с лопатами и топорами, кроме Лаптева. Он в это время уводит раненого вглубь леса еще метров на сто. Если я начну стрелять, а команду «в атаку» не подам, значит, остаётесь на месте до следующей команды «отходим». Понятно, ребята? – последние слова он сказал ну вот совсем не по уставу, но они запали в души солдат, странным образом приободрив. Почему? Наверное, потому что от них и повеяло чем-то родным из мальчишеских воспоминаний о друзьях, товарищах по играм «в войнушку». По крайней мере, именно этот смысл вложил в них Александр, и именно так это поняли бойцы. Сила внушения? Чувство общей опасности? Опасности, которую можно преодолеть, только сплотившись и только вместе! Что бы это ни было, но слова командира приободрили встревоженных бойцов.

Притихший отряд как-то сам по себе стал строиться в колонну по двое. Старновский подозвал Черкашина.

– Не в службу, а в дружбу, посмотри у председателя и шофера в карманах документы!

– А чё я?

– Я гляжу, ты мертвых не особо боишься?

– А чё их бояться, мой брательник, старшой, все говаривал, мертвые не кусаются!

– Ну, так посмотри!

Черкашин не стал спорить и деловито обшарил карманы убитых.

– Тащ лейтенант, документов нема! Вот трешку нашел! – он показал помятую зеленую купюру с изображением двух бойцов РККА.

– Положь обратно!

– Хорошо!

– Не хорошо, а слушаюсь!

– Слушаюсь! Только, тащ лейтенант, всё равно сопрут её у него!

– Это называется мародерство, ты понял, красноармеец?

– Чё ж непонятного-то. Всё понятно!

Лейтенант не стал акцентировать внимание на «тащ лейтенант». Похоже, это теперь к нему прилипло. Ну и пусть!

Старновскому вдруг захотелось посмотреть, что у председателя за пазухой. Он вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, как перед прыжком в воду, и решительно откинул серенький пиджачок Павла Прокопьевича. Так и есть, за поясом был заткнул револьвер системы «Наган». Лейтенант привычным движением откинул барабан, посмотрел, все ли патроны на месте, потом снова защелкнул его обратно.

Увидев это, Черкаш присвистнул от удивления и уважительно произнес:

– Това-а-арищ лейтенант, а я гляжу, вы тоже умеет шмонать!

Старновский ничего ему не ответил, а подозвал сержанта:

– Григорий Иванович! Вооружайтесь! Вот вам «наган», тут шесть патронов. На первое время хватит!

Он протянул револьвер Васильеву. Тот быстро осмотрел оружие, и положил его себе в карман галифе.

– Больше патронов нет? – только и спросил он.

– Нету, товарищ сержант! – оскаблился Черкаш.

– Давайте убитых положим хотя бы вон под тем широким дубом! – предложил Старновский, обведя взглядом красноармейцев.

Никто особого желания не высказал. Бойцы вздыхали, сопели, прятали глаза. Тут на выручку командиру пришел Черкашин.

– Това-арищ лейтенант! Разрешите мне с рядовым Лаптевым перетащить их! – он кивнул на трупы.

– Выполняйте! – с облегчением произнес Александр, а затем, обращаясь к остальным, скомандовал: – Отделение, стройсь! Первым Парамонова ведет Кутенко. Потом его сменит Камышев! Дальше по очереди! Сержант, командуйте!

– Есть! Отделение, стройсь! Раз-два!

Бойцы без суеты подравнялись, положили лопаты на плечо и не спеша двинулись за сержантом. Лейтенант посмотрел на свое войско и тихо, про себя сказал:

– Один ТТ у лейтенанта. Один наган и один НР-40 у сержанта. Одиннадцать бойцов, два топора, девять лопат, штыковых... Итого, плюс один наган, шесть патронов!

Невесело улыбнулся и пошел сзади и чуть справа от своего войска.

Вскоре их нагнали Черкашин и Лаптев. Они замкнули строй поднятых на плечо лопат. Штыковых.

Шли не очень быстро. Раненый тормозил движение. Вещи Парамонова и бойца, который ему помогал идти, несли остальные бойцы и тоже по очереди. Там, где дорога углублялась в поля, лейтенант вел свой отряд кромкой поля, опасаясь налета вражеской авиации. Самолеты действительно пару раз пролетали. Но очень высоко и далеко в стороне, так что было не понятно, наши это или немецкие. Минут через сорок, дорога опять пошла через лес. Сделав небольшой привал, командир снова отрядил Солнцева в головной дозор, а Воробьева – связующим звеном между головным дозором, то есть Солнцевым и основным отрядом. Если дорога делала поворот, то Воробьев оставался на повороте и осуществлял визуальную связь между головным дозором и отрядом. Солнцев в свою очередь тоже останавливался и ждал появления остальных бойцов, после чего отряд снова продолжал движение по формуле: «головной дозор – связной – отряд».

Вдруг лейтенант увидел, как Воробьев поднял руку и чётко указал на ближайšie кусты. Это был знак, что впереди враг, нужно прятаться! Все быстро бросились под сень леса. Стар-

новский не переживал за Солнцева и Воробьева – это были самые глазастые бойцы отряда. А рыжий так вообще еще и ушастый!

– Лаптев, отведите раненого вглубь на сто метров, и там нас ждите! – тихо скомандовал лейтенант. – Остальным приготовится к атаке!

Все замерли в ожидании того, кто же появится на дороге...

Раздался неторопливый глухой стук копыт по пыльной проселочной дороге. Александр снял фуражку и чуть высунулся. То, что он увидел и... унюхал, его сильно озадачило. Ровно по середине дороги мирно чапала неказистая лошадка, волочившая за собой дымящуюся полевую кухню. Седока на передке кухни не было. Лошадкой никто не управлял.

– Так это же наша Маруська, из хоззвода, с нашей полевой кухней! – удивленно проговорил сержант...

Глава 10. 22 июня 1941 г. Встреча с немцами

Это была двухкотелная полевая кухня 2КО-У, состоящая из двух сцепленных частей. Собственно, самой кухни (или, по-военному, «очага походной кухни») на одноосной паре деревянных колес и передка (он же продуктовый ящик), так же с одноосной парой таких же колес. Ездového на передке не было, поэтому лошадь спокойно прошла мимо затаившихся бойцов.

Выждав минут пять и убедившись, что больше никого нет, Орловский и боец в выцветшей пилотке Осадчий по приказу лейтенанта догнали полевую кухню и привели её обратно. Бойцы обступили неожиданную находку и удивленно стали гадать, почему она тут оказалась.

– Повара, наверное, бомбежкой убило, а лошадь убежала от взрывов! – резюмировал все догадки Осадчий. Держа коняшку под уздцы и поглаживая её по морде, он приговаривал: – Маруська, хорошая! Не бойся! Теперь ты с нами!

– Наверное, так и было! – согласился сержант и продолжил: – Стало быть, наш лагерь разбомбило вместе с батальоном, раз Маруська теперь тут!

Рядовой Камышев уточнил:

– Или по дороге, когда они снялись с лагеря и двинулись к Бресту, мы же с Кутенко видели взрывы гораздо западнее лагеря, на дороге. Больше там бомбить нечего.

Сержант посмотрел на молчавшего Старновского и спросил:

– Товарищ лейтенант, что будем делать?

– Пойдем искать своих, а полевую кухню придется взять с собой. Не бросать же здесь имущество нашего батальона! Да и раненого можно посадить на продуктовый ящик, а Осадчий путь будет за возницу. Умеешь править лошадыю? – уточнился Старновский у бойца, который продолжал гладить лошадку.

– А как же! Умею, товарищ лейтенант!

Пока все разговаривали, вернулся Лаптев, поддерживая Парамонова под здоровую руку. Увидев полевую кухню, он тут же подошел к ней, залез наверх, по-хозяйски открыл крышку котла и заглянул внутрь.

– Тут только вода, если подкинуть дров, то скоро закипит!

– Одна вода? – разочарованно проговорил Витюня.

– Не бойсь! Счас выясним, что тут можно сварганить! – Лаптев с неожиданной проворностью откинул вверх дверцу сахарного ящика и тут же разочарованно присвистнул.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Черкашин.

– Мешок сухофруктов. И немного сахара!

– Так то ж они компот собрались делать! – радостно воскликнул Камышев.

Бойцы оживленно загудели.

– Это же сколько компота будет!

– Нам его и за два дня не выпить!

– Да, компот не водка, много не выпьешь! – грустно произнес Черкашин, выразительно посмотрев на лейтенанта и сержанта, а затем на сержантский вещмешок, где находилась початая бутылка с самогоном.

– Огонь в печке потушить, чтобы не пахло дымом, лошадыю будет править Осадчий, раненого Парамонова посадить на передок. Лаптев, останешься при полевой кухне. Старший Осадчий. Будете следовать за основным отрядом на расстоянии пятидесяти метров. В случае опасности оставляете кухню и прячетесь в лесу!

– Есть потушить огонь и следовать на расстоянии пятидесяти метров! – бодро ответил Осадчий, держа лошадь под уздцы. Затем взял из хозяйственного ящичка небольшую кочергу и выгреб все угли прямо на середину дороги, после чего скомандовал своим новоявленным подчиненным:

– Лаптев, возьми мою лопату и садись на передок, рядом с раненым, а я поведу лошадь под уздцы.

Осадчий все никак не мог налюбоваться на свою лошадку, ведь от нее так хорошо пахло прошлой мирной жизнью.

Отряд двинулся дальше по лесной дороге. Солнцев в головном дозоре, за ним на расстоянии полусотни метров следовал Воробьев, далее шел основной отряд и замыкала шестевие полевая кухня.

Не прошли они и пяти минут, как Солнцев, а за ним Воробьев подали сигнал «внимание, опасность».

Отряд во второй раз нырнул в лес и затаился. Однако никого видно не было. И только немного погодя появилась фигура одного человека с позвякивающим в руках ведром. Вот этот звук и услышал лопухий Солнцев. Это был явно боец Красной Армии.

«Почему он с ведром?» – только и успел подумать Александр, как странный боец, увидев лошадь, выпустил из рук ведро и радостно воскликнул:

– Маруська! Наконец-то я тебя нашел!

Он подбежал к ней, обнял её как родимую, приговаривая:

– Ах какая ты умница, сообразила, что нужно назад идти! Соскучилась, наверное, по мне!

– Тю, так это же наш повар Федя! – изумился Васильев. – Разрешите с ним пообщаться, товарищ лейтенант?

– Разрешаю, сержант! Только осторожно! Остальным оставаться на месте! – тихим голосом сказал командир.

Григорий Иванович медленно вышел из кустов и требовательно произнес:

– Ефрейтор Лангет, доложите, как вы тут оказались?

Повар от страха чуть не подпрыгнул на месте, но, увидев знакомое лицо сержанта, тут же загомонил:

– Товарищ сержант, Григорий Иванович, тут такое было, такое было! Как начались бомбы рваться, как начались! Маруська как побежит. А я за ней догонять, только вот не смог догнать сразу. Пришлось по следу колес идти!

Тут из кустов вышел Старновский с остальным отрядом. Увидев своих, повар обрадовался еще больше!

– Братцы, родные мои, а я уж думал, что я один так и останусь тут! Страху-то натерпелся, а тут такое счастье, и Маруська нашлась, и вы!

– Значит так, товарищ ефрейтор, возьмите себя в руки и спокойно расскажите, что же произошло! – потребовал лейтенант.

Из рассказа Федора Лангета выяснилось, что еще вчера, сразу после обеда первая и вторая рота второго батальона, а также половина хозяйственного взвода с двумя новыми трехкотельными кухнями-автоприцепами КП-3-37 (КП-3) отправились в расположение дивизии (22 тд) в Южный городок Бреста. А сегодня с утра грузовики должны были вернуться и забрать третью роту (в батальоне РККА было 3 роты), а также медиков, связистов, боеприпасы и другое имущество батальона.

Половина хозвзвода, две старенькие полевые кухни, два наряда караула, палатки и почти всё продовольствие оставались на месте до особого распоряжения.

Утром, не имея связи и не дождавшись грузовиков, командир третьей роты принял решение добираться самостоятельно, пешим порядком, для чего забрал все оставшиеся повозки. Через полчаса после их ухода началась бомбежка. Лангет в это время набирал в котлы воду возле ручья, поэтому бомбы их не заделали, но лошадь испугалась и понеслась, когда он набирал ведром воду из ручья. Вот и побежал прямо с пустым ведром в руках её догонять. Почему с ведром? Так с испуга. Психологический шок, понимать надо. Бежал недолго, быстро выдохся. Но, увидев следы деревянных колес, решил идти по ним и найти Маруську во чтобы то ни

стало, хотя было очень страшно. Ну а тут он увидел и свою лошадку, и сержанта, и лейтенанта с отделением солдат. Он еще удивился, почему все бойцы с лопатами. Но потом ему объяснили, что они возвращаются с хозяйственных работ.

Затем отряд двинулся дальше. Повар занял свое почетное место на передке рядом с раненым, а Лаптеву пришлось идти рядом, держась за оглоблю лошади. Но Лаптев не унывал. Ведь он все равно оставался при раненом, то есть возле кухни! Раненые – они ведь перевязки регулярной требуют! Понимать надо! Лейтенант понимал. Как понимал и то, что единственного человека, имеющего хоть какой-то медицинский опыт, нужно беречь!

Отряд уже подходил к отвороту на лагерь, как Воробьев опять подал знак рукой «внимание, опасность». В третий раз бойцы залегли в кустах. Теперь уже привычно, без суеты.

По дороге ехали пять всадников из экзотической 1-ой кавалерийской дивизии вермахта. Рано утром 22 июня 1941 года с первыми залпами артподготовки немецкая конница, легко преодолев пограничную реку Буг, неожиданной атакой захватила оборонительные позиции 75-ой стрелковой дивизии, оттеснив её в район населенного пункта Молорита (25—30 км от границы). Из всей 4-ой армии южнее дорог Брест-Кобрин-Барановичи располагалась только одна эта стрелковая дивизия. Был, правда, ещё один мотоциклетный полк. Он принадлежал 14 мехкорпусу, тому самому, где служил лейтенант Старновский (в каком именно подразделении и почему это отдаёт мистикой, читайте в 5 главе), но мотоциклисты располагались в районе Антополь (120 км от Бреста).

Помимо этих войск южнее оси Брест-Кобрин были ещё летние военно-учебные лагеря и полигоны частей, расположенных в районе Бреста. Собственно говоря, про тех людей, которые в них остались, и будет идти речь.

Неудивительно, что именно здесь, на южном, лесном, 50—60 километровом участке фронта 4-ой армии немецкое командование решило применить свою кавалерию и 267-ю пехотную дивизию. Как видим, немцы, используя фактор неожиданности и уязвимость советских оборонительных позиций, расположенных в зоне прямого выстрела из дивизионной артиллерии на самом берегу реки Буг, в первый же день существенно вклинились в боевые порядки советских войск.

Основной удар немецкого танкового катка под руководством гения блицкрига Гудериана шел севернее, вдоль дорог Брест-Кобрин. Отряд же лейтенанта Старновского оказался несколько южнее направления главного удара немцев, в лесах, где уже орудовали подвижные группы 1-ой кавалерийской дивизии немцев. Вот с передовым дозором одной такой группы и столкнулись герои нашего повествования. Забегая немного вперед, скажем, что такие и подобные им просачивающиеся подвижные отряды немцев и легли в основу панических слухов, состоящих из слов «окружают», «немецкий десант», «диверсанты». Ну а конница немцев могла пройти практически везде. Кроме непролазных дебрей и болот, разумеется. Чем не диверсанты и десантники?

Увидев, что немцев всего пять человек, лейтенант принял решение атаковать. Причин было две. Фактор неожиданности вкупе с его умением стрелять. Вторая причина была в захвате трофейного оружия. Без оружия и войско не войско!

Но было и еще одно соображение, сугубо воспитательное, для поднятия боевого духа отряда. Если они сейчас пропустят этих немцев и уйдут вглубь леса, то станут просто зайцами, добычей для охотников. А зайцы, как известно, при первой же опасности стремительно разбегаются по кустам. Лейтенант Старновский же хотел сделать из своих бойцов охотников, а не жертв. Он всегда с особым почтением вспоминал поговорку спартанцев: «Спартанцы не спрашивают, сколько их, спартанцы спрашивают, где они?».

А «они» сейчас были вот, на расстоянии нескольких метров.

Только действовать нужно было быстро. Где-то недалеко идет основной отряд немцев.

Глава 11. 22 июня 1941 г. Первый бой

Обычно говорят, что в первом бою человек сильно волнуется. Наверное так и бывает. Но вот Александр Старновский ничего подобного не испытывал. Может быть, потому что сейчас он больше походил на охотника, выцеливающего добычу из засады. А тут уже азарт подавлялся привычным холодным расчетом.

Лейтенант лежал на земле, удобно устроившись в зарослях папоротника, за невысоким гребнем, накиданным при строительстве дороги, да так и поросшего за давностью лет. А что, удобное укрытие на протяжении всей дороги.

Старновский положил свой пистолет «ТТ» рукоятью на землю. Кто-то не любил стрелять из пистолетов и револьверов. Всё им было не то. И не пристрелян, и при нажатии спускового крючка ствол с мушкой «ныряли», а вот Сашка любил их с детства. Любил, потому что у отца, закаленного большевика-революционера был именной наган, и отец уже с 7 лет стал натаскивать своего сына именно на это оружие. Сначала дома играли «вхолостую», а потом и в лес выезжали «бабахать».

Вот с тех пор Старновский и полюбил револьверы, да и вообще пистолеты. Немножко бандитские, немножко революционные. Это уж зависело от того, в кого играли мальчишки. Разумеется, игрушечными, выструганными из деревяшек. Но Сашка-то знал, что собой представляет «боевое оружие» и секрет этот от дружков своих школьных крепко держал в тайне. Отсюда и отношение к игре в войнушку уже было другое. И любовь к оружию у него была с детства.

Ну а уже в армии Старновский просто влюбился в свой «ТТ», и тот отвечал ему взаимностью. В руке Александра он сидел «как влитой». Промех просто был исключен, и лейтенант это знал. Тем более с такой дистанции в 5—6 метров, да еще и опираясь рукоятью на землю. Весь фокус был только в том, чтобы после первого выстрела суметь быстро перенести огонь на следующую мишень. Тьфу, ты, на фашиста!

А враги упростили задачу. Немцы увидели стоящую возле обочины полевою кухню русских. Они чуть натянули поводья лошадей и замедлили ход, тревожно оглядываясь по сторонам. Двое точно смотрели на Сашку. И на остальных бойцов. Но те с непривычки прильнули к земле, как испуганные дети утыкаются в тело матери. Мать сыра земля, спаси и помоги!

Даже сержант пригнулся. А ведь у него был приказ стрелять по замыкающему солдату. Делает два выстрела. Потом третий по выбору и больше не стреляет, патронов-то всего шесть! Три нужно было оставить на совсем уж «крайний случай».

Александр спокойно потянул спусковой крючок. Выстрел произошел ожидаемо, когда мушка уверенно уперлась в голову вражеского командира с пистолетом-пулеметом МП-40. Немец в последний миг своей жизни словно почувствовал опасность и пристально посмотрел, как показалась Старновскому, прямо ему в глаза. Но все сантименты «про убийство человека» перечеркнул громкий «бабах», как любил говорить Сашкин отец.

В драке самое главное – что?

Правильно, знать с чего начать и как.

Так и в бою. Важен первый выстрел и второй. А дальше как повезет.

Первым выстрелом лейтенант наповал убил командира немецкого головного дозора обер-ефрейтора, вооруженного МП-40. Со вторым выстрелом вышла маленькая промашка. Всадник, который был с ним рядом, успел дать шпоры своему коню, и резко сместился, поэтому, спешно лоя цель, Александр попал ему в бок. Пуля, застряв в животе, буквально сломила пополам человека. Винтовка Кар-98к выпала из его рук, а он сам, обхватив шею лошади, с трудом удержался в седле.

Тут лейтенант услышал два револьверных выстрела, и замыкающий всадник вскрикнул и сразу же повернул назад.

Раздались немецкие крики:

- Алекса убили!
- Засада!
- Чёрт, я ранен!

Цельми остались лишь двое немцев. Поскольку винтовки они держали наготове и примерно поняли, откуда по ним стреляли, то тут же открыли ответный огонь. Одна пуля прошла совсем рядом от головы Старновского. Он чуть сполз за небольшой гребень и посмотрел в сторону. Его бойцы лежали, вжавшись в землю, и со страхом смотрели на своего командира. А пули продолжали щелкать со скорострельностью, на которую был способен подготовленный немецкий солдат управляясь со скользящим затвором, на танцующей лошади.

– Лежите тихо! – спокойно сказал своим бойцам лейтенант, и, не давая немцам времени на дальнейшие раздумья, высунулся и сделал пару выстрелов в гарцюющих напротив немецких всадников. Услышав, как пули теперь запели возле их голов, они тут же развернулись и рванули прочь.

- Уходим! Мы тут у них на виду!
- Помоги Вальтеру!
- Дитрих, стреляй, черт побери!
- У меня патроны кончились!
- Уходим!

Увидев, что всадники повернули назад, лейтенант быстро приподнялся на колено, и, как в тире, начал стрелять по немцам вдогонку. Два выстрела в одного, два в другого. Скорострельность «ТТ» все же 30 выстрелов в минуту!

Первый всадник тут же свалился, но второй, подхватив под уздцы лошадь раненого в бок солдата, поскакал прочь как ни в чем не бывало. При этом винтовку он быстро закинул за спину, одной рукой правил своей лошадью, второй рукой держал коня Вальтера. Замыкающий солдат теперь, оказавшись первым, удирает далеко впереди. Александр понял, что дальше стрелять было бессмысленно, и опустил пистолет.

Вдруг из зарослей на уходивших на рысях немцев накинута боец в зеленой форме. Он размахнулся лопатой и наотмашь, что есть силы ударил немца, который вел за собой лошадь. Тот попытался уклониться, но от плоской поверхности лопаты увернуться у него уже возможности не было. Лопата просто вышибла его из седла. Ну еще бы. Такой удар в лицо иначе как полным нокаутом не назовешь! Немец полетел в одну сторону, каска в другую.

Лошадь с раненым поскакала дальше, но тут второй боец, рыжеволосый, попросту поймал её под уздцы. Лошадь поднялась на дыбы, и, сбросив раненого, рванула вперед, вырвавшись из рук Солнцева.

Бой закончился!

Первым опомнился лейтенант и скомандовал:

– Быстро забираем оружие, документы, боеприпасы и уходим в лес! Быстро! Сейчас здесь будут немцы! Основной отряд! Солнцев, Воробьев, бегом ко мне!

Вдруг раздался испуганный крик Воробьева:

– Ребята, он еще живой!

Оглушенный немец поднялся на четвереньки и мотал головой, как раненый бык. На спине у него по-прежнему болталась винтовка.

Первым на помощь Воробьеву кинулся Орловский с топором. Наш худенький боец стоял с лопатой и не знал, что делать. Вдруг немец потянулся к поясу, и достал гранату. И тут Воробьев с диким криком:

– Ах ты падла живучая! – снова ударил того лопатой, но неудачно, попал по плечу.

Немец перевернулся на спину, но продолжал судорожно отвинчивать крышку с гранаты. Тут подоспел Орловский. Удар топора раскроил немцу черепушку. Граната упала рядом. Крышку свинтить немец успел, но дернуть за веревочку ему уже была не судьба.

Воробьев, который замахнулся лопатой уже для добивающего удара, обессилено стал опускаться на землю, чтобы сесть. Но тут его в охапку сгреб Орловский и сильным рывком потащил прочь в сторону, где они дружно грохнулись на землю.

– Граната! – только и успел крикнуть бывший плотник, а ныне воин-топорник из какого-то средневековья.

Подбегавшие к ним с разных сторон лейтенант и Солнцев тоже упали на землю, не добегая до места побоища.

Прошла одна секунда, вторая, третья. А в таких ситуациях время течет от страха ой как медленно...

Тут вдруг раздался бубнеж Воробьева из-под могучего плеча Орловского:

– Я как увидел гранату, как испугался. Даже по голове ему попасть не смог, только по плечу. А тут ты! Ну чё навалился-то, аж продыху нет!

Орловский лежал ничком и шевелиться напрочь отказывался. Тогда Воробьев, ну точно, как воробей, нахохлился, сжался, и, забухтев что-то себе под нос, стал выбираться из-под ручки гиганта.

– Ты живой? – поинтересовался он у своего спасителя.

Тот уткнувшись носом в землю хрипло просипел:

– Граната...

– Ты время посчитал?

– Чего? – спросил Орловский.

– Секунды, раз, два, три...

– А что?

– А то, не сработала граната. Бракованная оказалась!

Тут лейтенант тоже поднял голову и осторожно приподнялся. Нужно было действовать. По идее, немецкий отряд уже должен был бы подойти, если они свой дозор отправили на пару сотен метров вперед.

– Ребята, хорош лежать, уходим!

Глава 12. 22 июня 1941 г. Первые трофеи

– Стёпа, а ты чё ему бошку-то не отрубил. Мы же вчера договаривались! – испортил всю серьёзность ситуации Солнцев, обращаясь к верзиле Орловскому, которого худенький Воробьев только что поднял с земли за руку. Причем с трудом, тот явно не хотел подниматься.

– А вдруг она взорвется? А вдруг сейчас взорвется? – со страхом спрашивал Орловский, постоянно при этом, как бы между прочим, отступая все дальше назад к лесным зарослям.

В это время лейтенант быстро стащил со спины убитого немца карабин, отстегнул с пояса ремень и стянул его вместе с гирляндой из патронных подсумков, саперной лопаткой, флягой. Протянул все это Воробьеву:

– Держи, твой трофей, отдаю как лучшему стрелку роты!

Худенький боец, ни секунды не раздумывая и не комплексуя по поводу «вещей мертвеца», взял их в руки.

Лейтенант оглянулся. Остальной отряд уже разобрал трофеи с места боя, и сейчас все бойцы стояли и смотрели на них, ожидая дальнейших приказов. Чего там лейтенант возится? И чего Орловский стоит как вкопанный?

А Александр Старновский все не решался притронуться к гранате, хотя понимал, что всего-то нужно завинтить обратно крышку.

Солнцев, который был немного расстроен тем, что у него из рук вырвалась лошадь раненого немца с навьюченными сумками (а в них наверняка было столько добра!), а также тем, что на самом немце он ничего особенного не нашел, кроме пары патронных подсумков и штык-ножа. Единственное, что было действительно ценным, так это две гранаты на длинных деревянных ручках. Он их с гордостью запихал за пояс. Увидев третью, лежащую на земле, к которой так никто и не притронулся, он тут же к ней нагнулся и взял её в руки, сказав:

– Моя будет! Вот только, тащ лейтенант, подскажите, колпачок нужно обратно вкрутить?

Старновский кивнул:

– Только осторожнее, веревочку надо аккуратно обратно засовывать, если случайно дернешь за неё, граната взорвется.

– Не бойтесь, тащ лейтенант, я парень ловкий!

– Что твой немец? Раненый?

– Нет, лошадь как на дыбы поднялась, он упал и головой-то зашибся насмерть! Жаль, лошадь вырвалась, она за конем вот этого вот убежала! – он кивнул на убитого, у которого из черепа продолжал торчать топор. Солнцев спокойно вытащил его, даже обтер об мундир убитого немца и протянул Орловскому:

– Стёпа, ты же вчера обещал бошки-то отрубать, а не проламывать!

– Да иди ты! – выдавил Орловский, но топор взял и вроде даже как-то сразу успокоился.

– Воробьев, следи за дорогой, если появятся немцы, стреляй! – приказал лейтенант и решил взять документы у убитого. Немцев на дороге пока не было. Старновский довольно бесцеремонно вытащил из нагрудного кармана трупа солдатскую книжку, при этом выкинув пару фотографий и несколько купюр рейхсмарок.

– Теперь уходим! – негромко сказал он и махнул рукой отряду в сторону леса.

Солнцев вдруг нагнулся к сложенным вдвое немецким деньгам и взял их.

– Красноармеец Солнцев, что вы себе позволяете? – искренне возмутился командир.

– Так, это, тащ лейтенант, выйдем к своим, сдадим как положено. Нужно же скинуться нашим разведчикам, которые в Берлине, которые в тылу немцев!

Деревенская логика лопухого, рыжего солдата просто сразила Сашку Старновского наповал.

– Скинуться нашим? – только и переспросил он, чтобы понять не ослышался ли.

– Ну да, им там небось несладко! Того фашиста подкупи, этого, чтобы секреты вражеские выдавал, да на харчи тоже деньги нужны. В ресторанах-то там у них небось цены-то буржуйские! Помочь нашим разведчикам надо! Пусть товарищу Сталину всё рассказывают про планы Гитлера!

Солнцев с лицом, на котором было искреннее чувство благородного спонсора, благоговейно передал помятые купюры лейтенанту.

– Ну това-а-аварищ лейтенант!

– Ладно, скинемся нашим, которые там! – Старновский взял фашистские деньги. – А теперь уходим!

Но не успели они сделать и двух десятков шагов по направлению к своим, как вдруг раздались выстрелы.

Лейтенант обернулся. Немцев видно не было, стреляли метрах в пятистах отсюда, может дальше.

– В лес! – заорал лейтенант и стремглав кинулся под спасительную сень леса. Следом за ним, ломая ветки, ринулись все остальные. Где-то дальше сбоку было слышно, как продирался сквозь заросли остальной отряд.

Через сотню шагов, лейтенант, увидев подходящую прогалину, крикнул:

– Все сюда, все ко мне! – и повалился на траву. Бойцы, которые были с ним, тоже свалились, тяжело дыша.

Потихоньку на звук голоса стали выходить запыхавшиеся бойцы. Выстрелы не стихали.

Кто-то из бойцов сказал:

– Чувствуется, что война началась! Наверное, там наши?

На что лейтенант ответил:

– Раз стреляют, то кто-то из них точно наши! Но мы без разведки никуда соваться не будем! Подождем пока здесь. Сержант, посчитайте, все на месте? – скомандовал Старновский.

Васильев поднялся, оглядел лежащих вповалку бойцов и доложил:

– Не хватает Лаптева и Парамонова. И этого, новенького, повара, ну Феди Лангета!

Лейтенант кивнул:

– Хорошо! Пять минут привал. Ждем Лаптева и его товарищей. Они где-то рядом должны быть!

Через минуту послышался хруст веток. Солдаты напрялись, схватились за оружие у кого было, остальные за лопаты.

– Это наши, они как раз перед боем сюда куда-то ушли! Немцы-то сзади остались! – успокоил их Старновский.

Тут же послышался рядом радостный голос Лаптева:

– Товарищ лейтенант, мы тут!

На поляну вышли повар, который поддерживал раненого Парамонова и раскрасневшийся Лаптев с двумя лопатами на плече.

– Пять минут привал! – повторил команду Старновский.

Вновь прибывшие тоже сели на землю и стали с любопытством смотреть на трофейное оружие. У Черкашина и у Камышева были немецкие винтовки, у сержанта на груди болтался МП-40.

– Сколько побили немцев? – спросил Лаптев.

– Четверых, один ушел! – сообщил Солнцев.

– А кто сейчас стреляет? Немцы?

– Да черт его знает! – ответил вездесущий Солнцев. – Но по звуку выстрелов вроде наши. Слышите – это ППД стреляет. Как минимум из двух стволов шпарят. А вот это наши мосинки. А вот это СВТ. А это, похоже, немцы стреляют. Звуки точно такие же, как у наших немцев

были, только потише. С полкилометра расстояние-то будет. Да там, похоже, настоящий бой идет, товарищ лейтенант! Черкашин уточнил:

– Вот и началась настоящая война!

А сержант спросил командира:

– Товарищ лейтенант, может, помочь им?

– Чем? Лопатами? – съязвил Лаптев.

Старновский молчал. Раздумывал. Затем спросил сержанта:

– Григорий Иванович, что думаешь насчет проведения разведки?

– Надо бы сходить!

Сержант перебрался поближе к Старновскому и протянул ему пистолет-пулемет МП-40.

– Вот, товарищ лейтенант, ваш законный трофей! И два подумка с магазинами. Пистолет ихнего командира я забрал себе. Красивый, зараза! Не возражаете?

– Не возражаю! – Старновский взял в руки немецкий автомат (а теперь именно так, для краткости, мы будем называть пистолеты-пулеметы в нашем повествовании) и с интересом принялся его рассматривать. Конечно, на картинках в книжках из спецбиблиотеки он их не раз разглядывал, но вот так, в руках, держал впервые.

Старновский помнил, что предохранитель у МП-40 отсутствует. Готов пистолет-пулемет к стрельбе или нет, определялось просто. Достаточно посмотреть, в какой паз задвинута рукоятка затвора. Тот, который ближе к патроннику, означал, что оружие находится в походном снаряжении. То есть фактически на предохранителе. Ну, а если рукоятка затвора задвинута в паз казенной части кожуха, то МП-40 к стрельбе готов. Этот автомат к бою был готов.

Тут в разговор вступил Черкашин:

– А ловко вы его, товарищ лейтенант, кокнули! Прямо в лобешник, ровно между глаз. Я про такое только в книжках читал!

Лейтенант никак не прореагировал, только спросил дальше:

– Григорий Иванович, что еще, кроме двух винтовок, взяли?

– Гранаты пять штук. Штык-ножи, у меня и у Черкашина.

– Значит так, – лейтенант встал и обвел всех взглядом. – Со мной на разведку пойдут Камышев, Черкашин, Воробьев. Вы разобрались, как пользоваться немецкими винтовками?

– Да невелика наука! У них только предохранитель по-другому работает! – ответил за всех Черкашин.

– Хорошо! Быстро встаем, проверяем снаряжение. Сержант, вы тоже с нами. Отдайте свой револьвер Орловскому, он остается за старшего. Объясните ему, как из него стрелять. Солнцев, отдаю тебе свой «ТТ», тоже пойдешь с нами.

– Тащ лейтенант, а покажите, как из него стрелять?

– Покажу. Сержант, две минуты на инструктаж. Я объясняю Солнцеву, вы Орловскому! Все гранаты забираем с собой!

– Значит так, револьверы системы «Наган» разделяются на две категории! Солдатские и офицерские, то бишь командирские! Этот командирский! – услышал Старновский хорошо поставленный, учительский голос сержанта.

Глава 13. Полчаса до войны

Как вы помните из восьмой главы, в ночь с 21 на 22 июня 1941 года пропала проводная связь штаба 4-ой армии со своими войсками и с командованием Западного особого военного округа (ЗапОВО). Повествование тринадцатой главы начинаем с момента, когда в 3 часа 30 минут командующему 4-ой армии генерал-майору Коробкову Александру Андреевичу (историческая личность) начальник связи полковник Литвиненко А. Н. (историческая личность) бодро доложил:

– Проводная связь со штабом округа, с Брестом и с Высоким восстановлена. Связисты обнаружили, что на линиях связи были вырезаны по несколько десятков метров провода! Из штаба округа пришла телеграмма на ваше имя!

– Пойдемте посмотрим, что они нам сообщают! – Коробков жестом пригласил за собой Литвиненко и начальника штаба Сандалова Леонида Михайловича (историческая личность). Они спустились с первого этажа, где был оперативный зал с картой и большим столом, в подвал, в котором располагался узел связи штаба армии. За стенкой мерно гудел генератор, обеспечивая электричеством штаб. Тут же стояли керосиновые лампы, которые совсем недавно зажигали.

Тут за отдельным столом сидел старший майор 3-го отдела НКВД, именуемого среди военных по-прежнему как «особый отдел». Увидев командарма, он встал и молча подошел. Телеграмма была от командующего округом генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича (историческая личность).

Коробков, прочитав телеграмму, коротко пояснил:

– Командующий округом сообщил, что в эту ночь ожидаются провокационные нападения немецко-фашистских войск на нашу территорию! При этом он категорически предупредил, чтобы мы не поддавались на провокации! Это что, не отвечать огнем на огонь? – последнюю фразу Коробков произнес совсем упавшим голосом и выразительно посмотрел на старшего майора НКВД. Тот продолжал молчать.

Сандалов покачал головой:

– Действительно странно! Все оставили на наше усмотрение! Снимают с себя ответственность!

– Вы послушайте, что дальше говорится! – командарм взял в руки телеграфную ленту. – Все части армии привести в боевую готовность! Немедленно начинайте выдвигать из крепости 42-ю дивизию для занятия подготовленных позиций! Да это понимал даже простой майор из Бреста, дело которого будут разбирать! А они только сейчас это нам сообщают! Да там, чтобы вывести войска из крепости, нужно более трех часов!

Внимательный читатель сразу понял, что речь идет о майоре Гаврилове, будущем герое Брестской крепости, дело которого «за паникерство» должно было рассматриваться 27 июня 1941 года на партсобрании.

Затем Коробков лично взял телефон и позвонил командиру 42-й стрелковой дивизии и начальнику укрепрайона в Высокое. То есть в те части, связь с которыми была восстановлена. Особенно он подчеркнул, что гарнизоны ДОТов Брестского укрепрайона должны скрытно занять свои боевые позиции.

Но было уже поздно.

Сказался фактор расположения линии обороны на самой границе. Не было в запасе спасительных 30—40 километров форы, как если бы укрепрайоны расположили чуть в глубине наших приграничных рубежей, где они даже теоретически не могли быть обстреляны немецкой артиллерией с сопредельной территории. А значит, даже при самых неблагоприятных обстоя-

тельствах, которые в жизни и случились, имелась возможность спокойно занять ДОТы, ДЗОТы (деревоземляные огневые точки) и окопы, нарытые между этими огневыми точками.

Для Коробкова и Сандалова так и осталась загадкой и еще одна фраза из этой телеграммы, которую мы сейчас приведем отдельно: «Наша задача только пленить прорвавшиеся немецкие войска», и все это нужно было сделать «не провоцируя немцев».

Единственным человеком в штабе 4-й армии, который понял всё и сразу, был старший майор НКВД. Как только появилась связь, он сделал звонок в особый отдел (именно так для краткости и понимания мы будем называть органы НКВД в войсках по линии «военной контрразведки» 3-го Управления НКВД) 22-ой танковой дивизии.

Трубку поднял начальник особого отдела 22-ой танковой дивизии старший лейтенант НКВД Егорьев.

– Ну, здравствуй, Павел Григорьевич! Как настроение?

– Здравствуйте, товарищ Иванов! Настроение боевое!

Егорьев чётко знал, как по телефону обращаться к своему начальнику. Вернее, даже начальнику начальника! Всё же товарищ Иванов звонил, минуя ступеньку корпусного начальства военной контрразведки. Значит, случилось что-то важное!

– Красные пакеты из штаба армии во сколько получили?

– В ноль-ноль десять.

– Хорошо! Ты вот что, Павел Григорьевич, если вдруг немцы начнут стрелять, ты не теряйся, сразу бери начштаба и командира за жабры, и пусть вскрывают пакет.

– Есть вскрыть пакет!

– И самое главное, срочно собирай все документы и увози согласно плана эвакуации.

– Документы уже упакованы!

– Молодец, старший лейтенант!

– У меня просьба, помогите с обеспечением военного прикрытия!

– Не волнуйся, всё уже решено. Командир дивизии в курсе! Просто напомни ему!

– Есть напомнить!

– Слушай, Павел Григорьевич, а как там этот твой Старновский, каким образом наказан? Нам его докладная и твоя справка вчера ой как помогли с решением о красных пакетах и эвакуации наших архивов.

– Это лейтенант сейчас на хозработках в летних лагерях!

– Это хорошо. Может и выживет. Ты его просто запомни, помогай, если что!

– Вас понял, товарищ Иванов!

– Всё, отбой! – и старший майор резко бросил трубку.

Впереди были еще несколько «критически расположенных» дивизий (75-я, 42-я, 6-я), и в каждой из них был «свой лейтенант Старновский и майор Гаврилов».

Старший майор тут же начал звонить дальше.

После разговора с товарищем Ивановым старший лейтенант Егорьев зашел в соседний кабинет. Там бойцы в форме НКВД упаковывали пишущие машинки, собирали пачки чистой бумаги. Тут же находился младший лейтенант НКВД Руденко.

– Это последнее? – спросил начальник своего подчиненного.

– Так точно, последнее! – как-то без воодушевления, как это он обычно делал, ответил молодой симпатичный оперативник.

– Хорошо, бери два отделения взвода охраны и быстро уезжайте из городка!

Вот таким незатейливым образом докладная лейтенанта Старновского, сообщение майора Гаврилова и им подобных пронизательных красных командиров, вкуче с грамотными справками, составленными оперативными работниками военной контрразведки, помогли органам НКВД принять меры к организованной эвакуации секретных документов и ценных

грузов из приграничной зоны буквально за считанные минуты до начала войны. И это тоже факт.

Остальное было в руках армейского командования.

При вскрытии так называемого «красного пакета» командование 22-ой танковой дивизии было немало удивлено тем, что там сообщалось. План на случай войны предписывал 22-ой танковой дивизии отступить в район Жабинки, это примерно 30 километров восточнее города Бреста.

Оказавшись под внезапным, массированным артиллерийским ударом с сопредельной территории, эта танковая дивизия, дислоцированная в Южном городке города Бреста на расстоянии всего 3 километров от границы, сразу же понесла огромные потери. Возникшая неразбериха не переросла в панику только в результате умелых действий командования, которое в таких неимоверно сложных условиях все же сумело вывести основную часть дивизии по Варшавскому шоссе к мостам через реку Муховец и далее в район сосредоточения – Жабинки. При этом нужно учитывать, что им пришлось преодолеть и две железнодорожные линии Брест-Барановичи и Брест-Ковель. Что в свою очередь означало полное перекрытие движения на этом направлении.

Такая скученность войск на местах переправ и железнодорожных переездов не могла не привлечь внимание немецкого командования. Вражеская авиация постоянно подвергала бомбежкам наши войска на марше, что создавало дополнительные пробки.

Видя, что пройти через переправы просто невозможно, 22-ой стрелковый полк 22-ой танковой дивизии пешим ходом ушел вдоль реки Муховец в сторону Радваничей проселочными дорогами. Туда же устремились все лишенные своей техники остальные воинские части и подразделения 22-ой танковой дивизии.

Один из таких разрозненных отрядов шел по лесной дороге Брест- Пинск, когда внезапно они наткнулись на один из конных разъездов 1-ой кавалерийской дивизии немцев. Встреча произошла случайно на перекрестке двух дорог.

Немецкий головной дозор ушел вперед, боковой дозор, свернувший на перекрестке на запад, обнаружил ехавших навстречу мотоциклистов. Приняв их за своих, они спокойно дали им приблизиться. Тем более те в свою очередь ехали спокойно, не стреляли. Это оказались русские.

Советские мотоциклисты, в свою очередь увидев на лесной дороге всадников, приняли их сначала за своих. Ведь какая у немцев может быть кавалерия? Да еще в нашем тылу? Кроме того, всадники, увидев мотоциклы с коляской, тоже продолжали ехать спокойно и не стреляли.

И хотя в это время где-то в стороне слышались редкие выстрелы, никого это особо не напугало. Ведь рядом свои, сейчас у них узнаем, что к чему. И как только солдаты поняли, что перед ними враги, началась смертельная перестрелка в упор. Здесь больше повезло немцам, все же сказалось, что они были на чужой территории. И они первыми среагировали. Два мотоцикла вместе с экипажем были расстреляны. Командир конного дозора обер-ефрейтор Штольц мастерски двумя очередями из своего МП-40 сразил красноармейцев с первого мотоцикла, с расстояния в пятьдесят метров. По второму начали из винтовок стрелять его подчиненные.

Но один из русских остался жив и тут же открыл ответный огонь из ППД. Автомат русского был серьезным оружием, и немцы, развернувшись, пустились наутек. В это время к ним на подмогу уже подходили спешившиеся всадники, которые вступили в бой как простая пехота.

Но и со стороны русских подъехал грузовик с красноармейцами в кузове. Разгорелся встречный бой на лесной дороге.

Глава 14. 22 июня 1941 г. Лесной бой

Впереди вдоль дороги грохотал бой, впрочем, без особого ожесточения.

– Товарищ лейтенант, видите? – спросил сержант, осторожно раздвигая кусты.

– Вижу! – Старновский тоже припал к земле. Шедший слева от него Солнцев также бухнулся на живот, высоко поднимая голову. Он никого не видел. Шедшие сзади Воробьев справа и Черкашин с Камышевым слева спрятались за деревья, взяв винтовки наперевес. Как было заранее оговорено, вперед они не лезли.

Немец стоял на одном колене, и, видимо, просто прикрывал фланг своих со стороны леса. Взгляд его был направлен на запад, а отряд Старновского как раз двигался с востока, по лесу вдоль дороги.

– Счас я его попробую снять, – прошептал сержант, вытащив нож НР-40 из ножен. – А вы прикройте, если что!

Васильев медленно и осторожно стал пробираться к немцу. Лейтенант тоже чуть продвинулся вперед, выбирая более удобную позицию. Возле дороги продолжал греметь бой.

Немец периодически смотрел по сторонам, а винтовку держал наготове перед собой, упираясь локтем в колено, прячась за ствол сосны. Его спина была хорошо видна. Сержант, пользуясь шумом боя, подкрался на удобное для броска расстояние, замахнулся и метнул нож. Но немного промазал. Клинок попал противнику в правое плечо. Немец вскрикнул и стал быстро оборачиваться, направляя винтовку на врага. Но сержант уже был рядом, одним рывком он вырвал из слабеющих рук немца карабин и прикладом ударил его по лицу. Тот упал.

Где-то слева, ближе к дороге, послышался вопрос на немецком языке:

– Курт? Что случилось?

Васильев перехватил карабин и выстрелил на звук голоса.

В ответ бахнули сразу две винтовки.

Старновский, не глядя, выпустил в сторону врага три коротких очереди, привыкая к немецкому автомату. Тут же подключились остальные наши бойцы, быстро стреляя из винтовок.

– Солнцев, кидай гранату! – крикнул Старновский и бросился к ближайшему дереву.

Рыжий боец суетливо открыл крышку.

– Как дернешь за веревку, отсчитай до трех, потом кидай! – крикнул ему лейтенант.

Вася немного замешкался, но, собравшись с духом, дернул за шнур, отсчитал до трех и что было сил с размаху кинул гранату в направлении выстрелов.

После взрыва гранаты послышались крики немцев, Старновский понял, что те решили уходить.

– Всем оставаться на местах и не высовываться! – приказал лейтенант.

Немцы, отступая, тоже в ответ кинули гранаты, но те взорвались, не долетая до наших бойцов. Просто гитлеровцы прикрывали свой отход. В лесу ущерб от ручных гранат не могло быть много, так как разлету осколков мешали деревья и кустарники.

Старновский скомандовал:

– Беглый огонь! Короткими перебежками вперед!

Интенсивная стрельба на правом фланге испугала немцев, ведших бой вдоль дороги, и они решили благоразумно отступить, всё же они находились на территории русских, к которым в любой момент могла подойти помощь. Звуки выстрелов были слышны на весь окрестный лес.

Лейтенант сделал еще несколько коротких очередей. В него тоже стреляли, но свиста пуль Александр не слышал.

Солнцев, заметив место, куда швырнул гранату, мелкими перебежками от одного ствола дерева к другому и плюхаясь от одного куста к другому, наконец подполз туда, где разорвалась его граната. Его просто распирало от любопытства – «попал-не попал?». Разочарование было просто огромное.

Он старался, ему было страшно (а кому было не страшно вот так бросать боевую гранату неизвестной системы), он даже кинул в стиле «почти попал», но здесь никого не было. Даже винтовки! Не, конечно, командирский пистолет «ТТ» вещь хорошая, но вот бойцу хотелось что-то такое, к чему руки солдата уже привыкли!

Однако Солнцев пригляделся внимательно и обнаружил следы волочения, а еще, приглядевшись, увидел следы крови. Ранил всё-таки он супостата. И раз его волокли – значит серьёзно. Повезло!

Васю Солнцева даже накрыла волна этакой разухабистости. Эвон я какой! Всё же метко кинул. В лесу-то, да среди кустов. И рыжий боец, ни минуты не сомневаясь, просто пополз по следам волочения. Зачем? Да даже он сам не мог сказать зачем.

Но мы-то знаем, что тут сработал древний инстинкт охотника и воина, который при виде подраненного зверя или врага пускается по его следу! Хотя рыжий Вася Солнцев, у которого смешно топорщились лопухие уши, меньше всего походил на сурового пещерного человека, одетого в шкуры мамонта с копьём в руках.

А кругом продолжался лесной бой. Бой, где основное значение приобретала смекалка, скрытность, умение маскироваться и обмануть врага. Ну и осторожность, само собой. Это помимо меткости – матери любой победы!

Рядом стрелял Камышев. Он очень тщательно прятался. Стрелял, поспешно высунувшись из укрытия, в общем, только создавал шум и добавлял количество русских в глазах врагов. И то дело. Стрелял же!

Находившийся рядом с ним Черкашин стрелял очень экономно, еле высовываясь из зарослей травы или кустов, долго ждал, а потом старался попасть во врага. Это было хорошо. Свист пуль у виска всегда плохо действует на врага. Черкашин после каждого выстрела отползал назад, прячась за переплетениями веток, стволов, различных зарослей, отползал в сторону и снова выжидал, выцеливал и стрелял. Потом смещался на другую позицию. И снова делал выстрел и возвращался на первоначальное место. И так по кругу. Понятное дело, сбивал прицел германцам. Но и польза тоже была. Стреляющий напротив немец искренне думал, что ведёт бой с тремя русскими. Потому и нервничал.

Расчетливее всех и увереннее вел себя худенький Женька Воробьев. Он спокойно залег за поваленным деревом и из-под лежащего ствола старой сосны, как из амбразуры ДЗОТа, расчетливо стрелял.

Немец, который достался ему в противники, спрятался за старым дубом, и, быстро высовываясь, стрелял в него, а потом проворно прятался. И так несколько раз. Воробьев то не успевал, то мазал от сильного желания попасть. Наконец он просто пропустил пару выскакиваний врага, приводя в норму дыхание и учащенное сердцебиение, ну а когда успокоился, то уверенно «на раз-два» звякнул пулей по каске немца. Тот тут же уткнулся в землю и больше не шевелился.

Женька радостно закричал:

– Я попал! Ребята, я попал!

Лежавшие рядом гитлеровцы тревожно стали перекликаться на своем гортанном языке:

– Штиля убили!

– Черт бы побрал этих русских!

– У них снайпер!

– Нас обходят!

И тут властный голос скомандовал им:

– Внимание, отступаем! Всем приготовится к броске гранаты!

Лейтенант Старновский, который понимал немецкий, скомандовал:

– Все в укрытие, гранаты!

Бойцы инстинктивно отпрянули назад, кто куда. Полетели немецкие колотушки (они же на длинных деревянных ручках, на колотушки похожи). За их взрывами гитлеровцы начали поспешный отход.

Подняться после взрыва вражеских гранат всегда не просто. Человек просто блаженствует пару-тройку секунд от сознания, что жив, здоров и невредим. Это и помогло немцам оторваться от противника без потерь.

Да и вдоль дороги тоже стрельба потихоньку стала стихать. На этой же стороне придорожного леса вообще наступила тишина.

Вдруг от дороги раздался крик:

– Эй там, в лесу, кто кричал на русском?

Солдаты замерли, прислушались, глядя на командира.

– Мы свои, русские!

– А почто из немецких винтарей шмаляли? – раздался разухабистый голос.

– В бою взяли! Трофеи!

– А что, своего-то не было?

– Только «ТТ» и револьвер!

Но тут снова начали стрелять. Более того, послышались уверенные очереди немецкого пулемета.

Возле дороги послышались вскрики.

Над головами бойцов Старновского густым веером защелкали пули и посыпались веточки, хвоинки и листья.

– Во чешет! – удивился сержант.

Лейтенант скомандовал:

– Не высовываться, потихоньку отползаем назад!

– Там же наши! – тихим голосом проговорил сержант.

– Тут тоже! – внушительно произнес лейтенант.

Все прелести встречного лесного боя на узкой дорожке лейтенант уже успел оценить.

Глава 15. 22 июня 1941 г. Отряд Старновского продолжает вести бой

Отряд Старновского отошел на исходные позиции. Раненый в плечо немец лежал здесь и потихоньку стонал. Сержант, оказывается, его только оглоушил прикладом.

– Твою мать, он живой! – как-то сочувственно произнес Васильев, и, обшарив немца, вытащил у него из кармана пачку бинтов, а затем, посмотрев на командира, добавил: – Может, его перевязать?

– А вот это верно, Григорий Иванович. Пленный нам сейчас нужен. Перевязывай его и тащи в тыл, потом его допросим!

Возле дороги продолжал строчить немецкий МГ-34.

– Ну все! Хана нашим. Причесал их немец своим пулеметом! – проговорил сержант.

– Слышал поговорку, против лома нет приёма? – спросил его лейтенант и тут же добавил, вытащив гранту: – Если нет другого лома! Вот с другой стороны и зайдем!

Бой вдоль дороги разгорелся с новой силой и стал смещаться на запад. Складывалось такое ощущение, что наши стали отступать. А у немцев вскоре появился второй пулемет, который застрекотал уже ближе к этой стороне дороги, где затаился отряд Старновского.

– Твою мать, наши отступили, что будем делать, лейтенант? – спросил сержант, который в это время наспех перебинтовывал раненого ножом немца.

Не успел Старновский что-то сказать, как раздался возглас Камышева:

– Немцы!

Сквозь заросли показались перебегающие фигурки врагов. Потом они как по команде залегли, и тут же застрочил еще один пулемёт, срезая кусты и ветки прямо над головами наших бойцов.

– Взвод! – зычно крикнул лейтенант. – Обходи слева! Огонь!

Пулемётчик дал еще пару коротких очередей и замолк. Затем там началась какая-то возня. Немцы готовились к отражению атаки на своем фланге. Наши же бойцы добросовестно открыли огонь. Черкашин и Камышев, спрятавшись за укрытия, просто высовывали винтовки и палили в немцев, не разбирая, куда именно. Лишь бы в ту сторону. Как ни странно, противник тут же снизил темп стрельбы.

Почти сразу же за первой командой Старновский уже тихим голосом сказал:

– Я и Воробьев прикрываем, остальные отползают на двадцать метров назад и прикрывают нас! Поняли?

Сержант, находясь в пяти шагах справа, ответил так же тихо:

– Есть прикрыть! Черкашин, передай дальше по цепочке.

Воробьев, который так и не покидал свою шикарную позицию за поваленным стволом сосны, не стрелял. После взрыва гранат, которые до этого бросали немцы, он затаился и не обнаруживал себя. Наши же чуть отползли. И вели огонь оттуда. Даже лейтенант и сержант палили, хорошо спрятавшись, но не эффективно. Мешали стволы деревьев, кусты и прочие переплетения леса.

– Григорий Иванович! Тащи немца в тыл! Давай уходи!

Сержант с неохотой закинул винтовку за спину, подполз к немцу, и, натужно крякнув, поволок пленного за шиворот.

Солнцев, который не стал стрелять из пистолета, тоже немного отполз назад. Выбрал разлапистый дуб и спрятался за ним, сев на одно колено. Рядом положил две гранаты. Теперь он был готов в любой момент начать их метать. Лежа-то далеко не кинешь. Эвон немцы много

накидали лежачего? Только шум и гром, но зато хорошая маскировка для того, чтобы удрать. Вот и Солнцев приготовился прикрывать отход своих. Ну вот сообразил сразу!

Лейтенант негромко крикнул:

– Воробьев, слышь? Чё не стреляешь-то? Уходим! Ты жив?

Воробьев молчал.

Старновский к этому времени уже сменил третий рожок. Осталось четыре. Шесть изначально были в подсумках и плюс один в самом МП-40. Итого семь. Минус три, осталось четыре. Вообще Александр любил считать. Поэтому, чуть-чуть меняя позицию, посчитал и немцев. Предварительно сняв фуражку и прячась с головой в зарослях лопуха. Немцев стало примерно в три раза больше, чем было в начале боя. Тогда их было пять-шесть человек, причем двоих они убили точно. Одного сержант, второго Воробьев.

А вот сейчас лейтенанту стало немного страшно. Да, пулеметчик пока прекратил огонь, меняет позицию, готовится, видимо, к отражению атаки с фланга, понимают, сволочи, слова русской команды! На то и был расчет с командой «Обходи слева», да еще и «взвод». А это, как минимум, сорок-пятьдесят человек в понимании немцев, а то и больше.

Да даже если бы сейчас у лейтенанта и был целый взвод, все равно в лоб против пулемета не погрёшь! И на бросок гранты не подберешься, да и смысла нет, только приподнимешься – сразу же срежут немецкие солдаты. Кругом лес, не знаешь, откуда прилетит пуля. Потому все и прячутся, осторожничают.

Да и вставать в таком близком бою дураков нет. Кроме, конечно, Солнцева. Надо будет ему потом объяснить данный вопрос. А тут еще и Воробьев замолчал. Скорее всего его убили. Вот уж потеря для отряда так потеря. Лучший стрелок роты! Нужно уходить, пока остальных не положили.

Лейтенант еще раз посмотрел на немцев и с удивлением обнаружил, что те окапываются. Но ведь в лесу это делать тяжело среди переплетения корней деревьев и кустов! Но факт оставался фактом. Да и на дороге выстрелы наших Мосинок, СВТ и двух ППД откатывались назад вдоль дороги в сторону запада. Отступают.

А раз немцы окапываются, значит, они решили прочно оседлать дорогу, перерезать эту тоненькую нить коммуникаций русских. А ведь правильно все делают, гады. Тут перерезали, там, сям, да еще если и мост захватить какой, то Красной Армии совсем туго станет. Лейтенант скрипнул зубами и решил отходить в глубь леса, остальной-то отряд волнуется. У них ведь кроме лопат и «нагана» с тремя патронами ничего нет.

Немцы, пользуясь тем, что русские фактически прекратили стрелять, продолжали лежаче окапываться, только комья земли летели в стороны. Торопятся!

Пулеметчик со своим МГ-34 сменил позицию, и теперь посылал пули веером длинными очередями. Одна из них взрыхлила неподалеку землю, продолжая срезать веточки зарослей.

Наши бойцы отползли и снова стали смотреть в сторону врага, но визуальный контакт с противником был потерян. Однако, судя по редким выстрелам, они пока оставались на месте, а значит, продолжали окапываться, ну а пулеметчик просто их прикрывал, ставя заградительный огонь.

Камышев тихонько шепнул Черкашину, с которым лежал почти рядом за соседней березой:

– Витя, че-то лейтенанта не видно. А сержант поволок раненого немца куда-то в тыл. Да и Воробьев не стреляет уже давно! Может, пора к своим уходить? Скажем, что так мол и так, в суматохе боя отбились от своих! Немцев-то, видел, сколько много?

Черкашин лежал, внимательно смотрел по сторонам и обдумывал слова Камышева. Что ему ответить? И почему именно к нему он с такими речами обратился? Подслушал его разговор с Лаптевым, когда они обсуждали план о том, как лучше свалить от краснопузых? Да вроде

нет. Сегодня утром, когда все выбежали из комнаты, они вдвоем были. Остальные ломанулись на улицу, слушать звуки далекой бомбежки!

Да и предлагает-то Камышев не вообще свалить, а к основному отряду. Пока. Что ему такое сказать, чтобы и не оттолкнуть от себя потенциального заговорщика, но и не раскрывать себя раньше времени.

Поэтому, немного подумав, Черкашин, продолжая внимательно глядеть по сторонам, тихо ответил:

– Володя, ты много хороших начальников здесь видел?

Камышев удивился такому неожиданному вопросу и ответил:

– Да как-то не замечал такого явления!

Черкашин оторвался от своего сектора обстрела и посмотрел внимательно на своего товарища:

– Наш лейтенант хороший командир?

Камышев уверенно ответил:

– Да лучше остальных!

Черкашин, назидательным голосом заметил:

– Вот, и я о том! Ну а ежели мы одни без офицера, то бишь, без командира останемся, то будь уверен, на нашу солдатскую шею тут же посадят какого-нибудь тупого крикуна-начальничка.

– Так нету его, литехи нашего!

– Ты, Володя, не кипишуй! Война только началась, неизвестно еще, чья возьмет. Видел, сколько в нашей дивизии танков-то? А в соседней, тридцатой? А во всей армии? Да и немцы-то не особо смелые. Вишь, затихли, окапываются. Да и наш начальник... Да вон он, ползет, фуражку в руке держит!

– Ребята, Воробьева не видели? – спросил их Старновский.

– Нет, товарищ лейтенант, не видели! – скороговоркой ответил Камышев.

– Впереди он был, за поваленным деревом, больше я его не видел! Вы же приказали отходить! – спокойно ответил Черкашин и добавил: – Воробей парень сам себе на уме, может, что и задумал!

На звук их голосов щедро сыпанула пулеметная очередь. Несколько фонтанчиков земли взбились прямо возле их голов.

– Ой! – вскрикнул Камышев и стремглав закатился за ствол березы.

– Уходить нужно, товарищ лейтенант! Пулемётчик у них, видимо, решил прочесать всю округу, как бы нас не задело! – резонно добавил Черкашин.

Старновский, нервно дыша, ответил:

– Камышев, смени позицию, тебя за белым стволом березы хорошо видно!

А затем взглянул на Черкашина, на Камышева и на спрятавшегося поодаль Солнцева, и тихо произнес:

– Уходим вглубь леса на сто метров.

Вдоль дороги стрельба почти стихла. Бой там явно закончился. Но здесь немецкий пулеметчик словно нащупал болевую точку в рядах русских и уже целенаправленно и кучно стал обстреливать заросли, откуда слышались голоса. Снова полетели ветки и листья в стороны. Снова бойцы вжались в мать-сыру землю, боясь поднять головы.

Вдруг раздался одиночный выстрел и пулемёт замолчал.

Женька Воробьев всё же дождался, когда в азарте стрельбы немец очень хорошо развернулся за своим ручным пулеметом МГ-34. Остальные враги, бросив окапываться, тут же схватились за винтовки и с удвоенной силой стали обстреливать место, откуда прозвучал выстрел русского снайпера. Но Женьку это не сильно напугало, все же позиция у него больше походила на узкую амбразуру ДЗОТа, благодаря щели между поваленным стволом сосны и землей.

Поэтому он, не спуская глаз, продолжал следить за одиноко-торчащим прикладом МГ-34, стоявшего на коротких сошках. И не зря.

Второй номер пулемётчика, выждав минуту, резко схватился за пулемет и тут же был сражен второй пулей.

Среди немцев раздались крики:

– Там русский снайпер, под деревом!

– Вижу!

– Всем огонь по снайперу! – скомандовал фельдфебель, пустив длинную автоматную очередь.

И тут Женька понял, что влип. Уйти ему враги теперь не дадут. Он быстро дозарядил винтовку и приготовился ждать, когда немцы начнут перезаряжаться. Стало немного страшно. Возникло дикое желание встать и побежать. Но вместо этого он быстро прильнул к своей амбразуре, и, почти не целясь, выстрелил в фельдфебеля. В ответ раздался дикий душераздирающий вопль.

Глава 16. 22 Июня 1941 г. Радостное и грозное «УРА!»

Но вопль фельдфебеля продолжался недолго. Его заглушил взрыв ручной гранаты. Не успел немец добросить её до русского снайпера. Чуть привстал, надеясь на то, что огонь камрадов прижал русского, но тут-то его и нашла пуля, которая больно ударила выше печени. Дикая боль заставила его выпустить из рук взведенную гранату. Этот взрыв и оборвал крик звериного отчаяния.

Немцы опешили. В начале войны смерть каждого соратника вызывала дрожь в душе. Это уже потом солдаты привыкли к чужим смертям и свыклись с мыслью о своей...

И тут чуть сзади Воробьева раздались короткие очереди из трофейного МП-40 и зачастили выстрелы из винтовок русских. Немцы прильнули к вырытым ямкам. Желаящих еще бросать гранаты среди них больше не обнаружилось.

– Женька, уходи! – крикнул лейтенант.

– Уходи! – повторил Солнцев, и, привстав на колено, смело спрятавшись за стволом дерева, что есть силы метнул все свои гранаты «в ту степь».

Не сговариваясь, остальные наши бойцы лежа тоже начали вразнобой швырять свои гранаты. Воспользовавшись произведенным шумом и тарарамом, Воробьев мигом сиганул назад.

Вдогонку прозвучал один выстрел самого смелого немца. Женька вскрикнул и упал ничком.

Вдруг где-то издалека, со стороны наших, на дороге послышалось радостное «ура!», которое постепенно стало наливать силой, и вскоре всю уже гремело грозное «ура!». Раздались два пушечных выстрела и послышался яростный треск пулеметов. Солнцев сразу определил, что среди них были и наши дегтяревы. А вскоре немного удивленные бойцы услышали рокот моторов и отчаянные крики немцев на дороге.

И тут Солнцев увидел, что немцы дружно стали отползать, а затем короткими перебежками начали отходить, отчаянно отстреливаясь. А затем, опустошив магазины своих винтовок, и вовсе кинулись бежать без оглядки.

– Ах вы падлы! – воскликнул Солнцев и кинулся за ними, сжимая пистолет «ТТ», несколько раз выстрелив из него.

– Стой, ты куда? – пытался его остановить Старновский, но рыжий боец его уже не слышал. Он, как гончая собака, которая выскочила на свежий след зверя и уже не могла остановиться, что бы там хозяин ей ни кричал.

– Солнцев! Твою мать! – крикнул и сержант.

– Взвод! – вдруг раздался зычный голос лейтенанта. – За мной в атаку, бегом марш!

И все рванули вперед! Даже Камышев, примагниченный этим нарастающим издалека «ура!». Но, впрочем, его хватило только на пару десятков шагов. Увидев лежащего Воробьева, он наклонился над ним и перевернул его на спину. Тот ойкнул:

– Ой, больно! Где немцы?

– Убежали! Тебя куда? В ногу? – спросил подбежавший солдат.

– В ногу! Зараза, больно!

– Потерпи, Воробей, сейчас я тебя перевяжу! – Камышев, довольный тем, что у него нашлась вполне законная отмазка от продолжения атаки, принялся не торопясь, но основательно перевязывать раненого.

– А я упал, убитым прикинулся!

– Значит, долго жить будешь! – Камышев старательно накладывал повязку, изредка бросая взгляд по сторонам.

Черкашин хоть и поднялся в атаку вместе с лейтенантом, но старался держать все поле боя под контролем. Вперед не лез. Но и отставать не собирался. В винтовке у него оставался всего один патрон, который он благоразумно решил приберечь на крайний случай.

Сержант пытался догнать Солнцева и повалить того на землю, но рыжий был слишком шустрым.

Лейтенант бежал вперед, сильно пригибаясь и петляя. Так что шансов догнать Солнцева у него тоже не было. И когда его обогнал сержант, он просто цапнул того за руку:

– Стой, Васильев, вперед батьки в пекло не лезь! А рыжим всегда везет, не замечал?

Такой вопрос словно вывел Григория из боевого транса, и он снова вернулся в логическую реальность происходящего.

– Это вы верно заметили, Александр Сергеевич, рыжим всегда везет, как и дуракам!

Но Солнцев не был дураком, но то, что он, как говорится, «психанул», это да, было! Ну вот не мог он поверить, что Воробьева, его лучшего товарища, убили! Да и немцы его ох как достали, пришли тут, а он может собрался киношку посмотреть в следующее воскресенье, в увольнительную сходить за мороженым, да и вообще его девушка может не дожидаться, из-за таких вот ублюдков, которые выползли невесть откуда! А девушки – они такие, к рыжим с подозрением относятся, им нормальные парни больше нравятся!

Но, слава Богу, психость эта такая штука, которая быстро проходит. Хотя в случае с Солнцевым это сейчас не сработало. Просто он увидел борозду волочения от «своего» раненого немца, по которой он еще до этого полз. Да и пара пуль, пропевших над ухом, тоже поспособствовала возврату в нормальное состояние. Солнцев плюхнулся на следы волочения и шустро по ним пополз вперед, держа пистолет перед собой.

И тут его нагнал Старновский, который ловко прильнул к земле рядом с ним и назидательно произнес:

– Солнцев, ты чего вперед батьки в пекло лезешь? – повторил он свою командирскую фразу.

– Да очень уж захотелось хоть одного немца убить! – быстро нашелся что ответить рыжий, хотя не так уж он и сильно соврал. Желание прикончить хотя бы одного гада действительно присутствовало. И это было нормально для хорошего солдата.

– Сколько у тебя патронов в пистолете осталось?

– Не знаю!

– Дай сюда! – лейтенант взял в руки «ТТ», отсоединил магазин и увидел всего два патрона. – Да что ж ты так-то? Лежи здесь!

– У меня даже лопаты нет! – только и успел воскликнуть обиженный Солнцев, а лейтенант уже несся вперед к дороге, навстречу громовому «Ура!»

Первым делом, достигнув едва выкопанных ямок немцев, он схватился за одиноко торчащий пулемет МГ-34. Вот это вещь!!!

Старновский развернул ручной пулемет в сторону немцев, поправил коробку с патронами и дал длинную очередь в ту сторону, куда ушли немцы. Просто нажал на спусковой крючок и тут же почувствовал всю гениальность и мощь этого пулемета. Пули красивым густым веером ушли в лес, срезая ветки и листья, добавляя прыти немецким солдатам. Теперь можно осторожно продвигаться дальше, навстречу урчанию моторов, которые и вызвали радостное «ура» наших и панику немцев!

Нужно было срочно посмотреть, что творится на лесной дороге. Рядом появились серьезный сержант и раскрасневшийся Черкашин.

– Боец, бери патронные коробки и бегом за мной! – скомандовал лейтенант Черкашину.

Втроем они быстро подбежали к дороге и вскоре увидели уходящие вперед броневики. Два БА-10 пушечных и один БА-20 пулеметный. Прячась за ними, бежали красноармейцы с винтовками наперевес, к которым были примкнуты штыки.

– Ура! – гремело все увереннее.

– Ура! – закричал сержант и замахал нашим руками.

Кто-то их увидел и остановился с парой бойцов. Остальные продолжили атаку. Вернее, просто следование за громоздкими бронированными машинами, которые, проехав до перекрестка, остановились, развернулись на маленькую проселочную дорогу и продолжили стрелять из пулеметов. Снова ударили пушки, и все стихло.

Старновский с сержантом и Черкашиным вышли к своим. Их встретил высокий, статный русоволосый капитан с голубыми глазами, и как-то по-свойски спросил:

– Это вы там в лесу шумели?

– Да!

– А почему стреляли из немецкого оружия?

Лейтенант снова стал объяснять:

– Трофейное, пришлось взять. Из своего были только «наган» и мой «ТТ».

– Вы втроем вели бой?

– Нет, сначала нас были шестеро.

– Понятно! – немного понизив голос ответил капитан.

– А вы из какого полка?

– Я, капитан Белояров, командир мотоциклетной роты разведывательного батальона 22-ой танковой дивизии. Сейчас – командир сводного отряда дивизии. Ваши документы, лейтенант, ты уж извини, порядок такой!

– Лейтенант Старновский, командир 2 взвода, 2 роты, 2 батальона, 22 моторизованного полка! – Александр протянул свои документы.

Белояров внимательно их прочитал и присвистнул:

– Да ты тот самый лейтенант Старновский, который написал докладную о скором нападении немцев? Паникер и провидец? Да вся дивизия два дня только о тебе и говорила в курилках. Вот уж не думал здесь встретить такую легендарную личность! – улыбнулся капитан.

Тут подъехал мотоцикл с коляской. Водитель ефрейтор спросил:

– Товарищ капитан, куда поедем?

– Ну вот и мой мотоцикл, мой боевой конь! Под обстрелами и бомбежками уцелел! – капитан подошел к коляске, вытащил оттуда планшет, развернул его, достал карту, расстелил на капоте люльки. – А теперь, лейтенант, давайте обмозгуем сложившуюся обстановку!

Глава 17. 22 июня 1941 г. Комендант деревни

А обстановка на 9 часов утра 22 июня 1941 года была следующей. 22-я танковая дивизия отступала из Южного городка Бреста по мостам через реку Муховец и два железнодорожных переезда. В результате образовались огромные пробки, которые подвергались ожесточенной бомбежке с воздуха.

Дивизия и так сразу же понесла большие потери в первые полчаса артобстрела с сопредельной территории, а потому была на грани возникновения паники. Только благодаря мужеству своих командиров подразделения начали хоть и беспорядочный, но все же более-менее организованный отход в район Жабинки, как и было указано во вскрытом «красном пакете». План прикрытия границы на случай войны предусматривал марш-бросок в глубь своей территории на тридцать с лишним километров.

Это вызывало искреннее удивление командиров, а порой и негодование на такую несуровую в предвоенной дислокации танковой дивизии. Именно поэтому капитан Белояров с таким уважением посмотрел на лейтенанта Старновского, который единственный из всей дивизии рискнул написать «паникерский» рапорт. Вот если бы все...

Дальше мысль Глеба Белоярова просто отказывалась работать. Вместо этого он просто рассказывал Старновскому, как пешая часть танковой дивизии, включая тех, чья техника была разбита, не смогла пробиться через мосты, забитые танками, орудиями, машинами и повозками, и просто стояла под обстрелом и бомбежками.

Поэтому заместитель командира дивизии полковник И. В. Кононов (историческая личность) повел этих людей вдоль реки Муховец на восток, в сторону деревни Радваничи, намереваясь оттуда повернуть на север в район Жабинки. Это был единственный способ спасти личный состав и семьи военнослужащих, которые эвакуировались вместе с военными.

Чтобы не идти такой массой людей по одной дороге, полковник Кононов решил часть подразделений отправить по проселку, идущему на Пинск с отворотом на север через деревню Михасино (прототип деревни Михалин, расположенной в 28 км юго-восточнее Бреста).

На разведку впереди основной колонны был отправлен подвижной сводный отряд во главе с капитаном Глебом Белояровым, который сейчас, разложив на капоте мотоциклетной коляски карту, водил по ней пальцем, объясняя Старновскому обстановку:

– Вот здесь мы. Тут отворот на юг и далее на юго-запад. Именно оттуда и пришли немцы. Моя задача разведать и обеспечить безопасный проход колонны по нашей дороге. А тут как раз отворот и на деревню Михасино.

– Мы оттуда и идем! – вставил Старновский и продолжил: – Мой основной отряд 7 человек и повар с кухней вот здесь, в полукилометре отсюда. Как раз на дороге в сторону деревни. Кстати тут же недалеко находится наш летний лагерь. Вот здесь, – Старновский ткнул пальцем в карту.

– Совсем рядом. Если пройти по этой дороге, то отворот будет в двухстах метрах. По деревенской дороге как раз в полукилометре.

– Нам бы туда завернуть. Мы видели, как их бомбили, посмотреть бы, что там. Может, оружие какое соберем. У меня половина отряда только лопатами вооружена. Поэтому с собой в бой не взял. Остались с раненым.

Тут из леса вышел Камышев, подошел и четко произнес:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту, насчет раненого!

– Разрешаю! Обращайтесь!

– Товарищ лейтенант, красноармейца Воробьева ранили в левую ногу. Тяжело. Нужны носилки и двое человек для транспортировки. И доктор нужен или санитар!

– Где он?

– Здесь недалеко. Откуда наша атака и началась. Первую медицинскую помощь я ему оказал!

Старновский обратился к Белоярову:

– Товарищ капитан, у вас носилки есть? Или нам самим их мастерить?

Тот ответил:

– Носилок нет, а санитар находится с другими ранеными на повозке. Едут сзади нас. Так что пусть твой боец подождет. Кстати, в этой деревне Михасино можно разместить раненых?

– Можно. Там недалеко есть колхоз «Новая Заря». У них хорошее здание клуба. Мы там и ночевали.

Капитан продолжал рассматривать карту, а затем ткнул пальцем в мост возле деревни.

– Здесь речка большая?

– Визуально метра 3—4 не больше. Но берега топкие, болотистые. Поэтому из колхоза, который на другой стороне, в деревню ездят в обход через вот этот лесок вот по этому мосту. Сам я в деревне не был. Видел только со стороны колхоза.

– Понятно.

– У тебя, говоришь, и полевая кухня есть?

– Так точно!

– И солдаты с лопатами?

– Так точно! – голос Александра Старновского стал падать от таких хозяйственных вопросов.

– Вот что, лейтенант, к нам по дороге прибились из соседних полигонов и учебных лагерей много красноармейцев, почти все из других частей, также с нами следуют наши, недавно призванные солдаты, и все они без оружия. Всего таких будет человек семьдесят. Мне они тут не нужны. Забирай их, уводи к деревне и строй оборонительные позиции возле моста. Также займешься размещением раненых и приготовлением горячей пищи для моей группы прикрытия.

– Но я...

– Ты еще не навоевался? Не бойсь, лейтенант. Война только началась. Навоюешься. Ну ты сам посуди, перекрыть мост на всякий случай мы должны? Должны! Если отсюда придется отступать, то у нас там будут уже подготовленные позиции.

– Товарищ капитан, вы что, думаете, что мы будем отступать?

– Я это, товарищ лейтенант, видел собственными глазами. Под бомбежкой! А у тебя я вижу трофейный пулемет и немецкие винтовки. Значит, ты умеешь воевать. Даже с двумя пистолетами.

Заметив, что Старновский как-то совсем сник, Белояров уже совсем дружеским голосом добавил:

– Ну пойми, лейтенант, некого мне больше на это дело поставить. У меня всего два командира в подчинении. Один в броневике, а второй сейчас там с бойцами. Всё, больше никого нет.

– А куда они делись?

– Много погибло, когда людей из-под огня выводили, других ранило. Твой полк, например, почти в полном составе бросили на оборону переправ. Там бой сильный был. Немцев даже в первый раз за Буг обратно выгнали. Видели и вашу третью роту. Второго батальона. Их по дороге сильно разбомбили. Ваш командир оставил нам всех своих раненых, забрал оружие и с уцелевшими бойцами ушел к Бресту. Упёртый такой старший лейтенант.

– Макаров, он такой! Вот-вот капитана должен был получить!

– В общем, повезло тебе с наказанием, с хозработами! И как тебя НКВДэшники в оборот не взяли?

– Ихний летёха сначала сильно на меня нажимал по поводу паникерства, да его начальство поумнее оказалось!

– Понятно!

– Вредительство это. Так близко дивизию к границе располагать. Да не успели они! Я так думаю!

– А ты не трус. Не побоялся правду сказать! Да и в бою уже успел побывать! Потому и доверяю тебе раненых и оборону моста. Так что знай, что твоя позиция важная, хоть и будет запасной! Мимо вас будут проходить отступающие войска, смотри, чтобы не разбежались твои безоружные. Если безоружных увидишь среди отступающих, тоже забирай себе.

– Бери, боже, что нам не гоже?

Капитан, не обращая внимания на его слова, стал что-то писать не листке бумаги, а потом протянул его Старновскому:

– Вот письменный приказ о строительстве оборонительного рубежа и наделения тебя полномочиями по комплектованию отряда из невооруженных красноармейцев.

– Мне б хотя бы несколько винтовок. Наших. И сержанта толкового!

– Лейтенант, не забывай, я остаюсь здесь. Забираю всех боеспособных людей. Мы держим этот участок дороги. Остальные уходят на Жабинку не просто так. Там собирается дивизия, и там наши будут готовиться к наступлению! Это же очевидно! А мы с тобой должны будем тут обеспечить им левый фланг. То есть осуществлять прикрытие с юга и юго-запада! Понял?

Старновский понял, что капитан просто забрал к себе абсолютно «лишнего и ничейного» лейтенанта, то есть его. А для придания вида крайней необходимости поручил ему как будто важное задание с использованием опять-таки «ничейных и ненужных» людей.

Хотя мост – это конечно важный пункт обороны. Запасного оборонительного рубежа.

А капитан продолжал:

– Как только тяжелораненых увезем в Жабинку, автомашины вернутся за остальными. Ах да, и обед горячий организуй. Ты же знаешь руководство колхоза?

– Знаю! Там и столовая есть!

– Ну вот и хорошо! Толкового сержанта я тебе дам, так что действуй, лейтенант! Назначу тебя командиром укрепрайона моста и комендантом деревни Михасино! Приказ я подписал!

Старновский вздохнул. Ну, что тут скажешь? Не капитан, а прям Наполеон какой-то!

Глава 18. 22 июня 1941 г. Они что, сдурели?

3 часа 57 минут утра. Окружной артиллерийский полигон в 10 километрах юго-восточнее города Бреста. Стоят ровные ряды армейских больших палаток. Между ними быстрым шагом проходимся дежурный сержант, останавливается возле курилки, где дымит папироской, сняв фуражку, чернявый старший лейтенант Варданян. На востоке все сильнее разливается заря. Наступает рассвет.

– Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант!

– Докладывай, Синицын!

– Разводящий караула доложил, что часовой поста №3, красноармеец Сидоров, сообщает, что слышал со стороны Бреста гул самолетов. Говорит, что даже видел издали самолеты, говорит, много их, и что летят на большой высоте.

– Так учения же идут! Смотри, сколько техники и людей сюда нагнали. Начальство из округа должно приехать. Наверное, и у летчиков начались учения!

– Разрешите с вами покурить?

– Садись, Синицын! Угощайся! – старший лейтенант достал мягкую упаковку «Казбека». Сержант с удовольствием закурил.

– Конечно, учения, – согласился он. – Я часовому так и сказал, а он мне – что летят со стороны германцев.

Они оба замолчали.

Старший лейтенант вздохнул и бросил окурок в поставленное между скамеек ведро:

– Пойду-ка, пожалуй, доложу руководству, пусть созвонятся с авиаторами! Нужно соблюдать бдительность!

Сержант с удовольствием посмотрел на удаляющуюся фигуру Варданяна и тихо проговорил:

– Моё дело маленькое, доложить дежурному командиру, а уж потом пусть у него голова болит! А папиросы у товарища старшего лейтенанта хорошие!

Варданян уже подходил к палатке майора Черкасова, как вдруг раздался взрыв между палатками и стоящими поодаль тесными рядами 76 мм пушек и 122 мм гаубиц.

Тут же стали разрываться последующие снаряды, которые ударили дальше в поле.

– Твою мать! – чертыхнулся старший лейтенант и буквально влетел в палатку командира.

Тот уже подскочил с железной кровати и ошалело вращал глазами, ничего не понимая. Увидев своего подчиненного, удивленно спросил:

– Что, уже учения начались?

Варданян торопливо, сбиваясь от волнения на легкий армянский акцент, сообщил:

– Товариж майор! Часовой поста №3 далажыл, что видел самолеты, летящие са стараны гэрманцэв!

– Какие нафиг самолеты! Подай лучше мне мой китель!

Варданян бросился помогать одеваться Черкасову. Через минуту командир, торопливо застегивая ремень, выскочил из палатки. Снаряды больше не рвались.

К командирской палатке подошел подполковник Чиков из соседнего гаубичного полка и выдал первое предположение:

– Это, наверное, какая-то ошибка! Кто-то начал учения по сигналу учебной тревоги и случайно обстрелял наш участок полигона!

Майор радостно ухватился за эту мысль:

– Нужно срочно подать сигнал, что тут находимся мы!

– Верно! – оживился подполковник.

Черкасов обернулся к Варданяну и приказал:

– У меня в тумбочке лежит сигнальный пистолет, бегом несите его сюда и подавайте сигнал ракетами!

Старший лейтенант бросился выполнять поручение, но тут снова раздались взрывы, на этот раз дальше, рядом с припаркованными машинами и орудийными тягачами.

– Да ёшь, твою мать! Они что там, с ума сошли! – завопил подполковник.

Рядом уже собралось несколько командиров, которые, ничего не соображая, просто стояли рядом.

Тут майор увидел бегущего Варданяна, подскочил к нему, вырвал из его рук сигнальный пистолет и отстрелил красную ракету. Потом перезарядил и снова произвел выстрел.

Взрывы прекратились.

– Ну вот, я же говорил, ошибка! – обрадовался подполковник, оттирая со лба пот платочком. – Ну сейчас я доложу кому следует и куда следует!

Подполковник Чиков развернулся и пошел к связистам. Черкасов, как маленькая толстая собачонка, засеменял рядышком. На фоне высокого и худящего подполковника он выглядел нелепо.

Тут к Варданяну подошел капитан Аверьянов и тревожно спросил:

– Ты знаешь, что случилось?

– Зашол к товарищу майору далажить, что часовой сказал, что выдел самолеты, летящие от немцев.

Не успел старший лейтенант договорить, как капитан воскликнул:

– Твою мать! – и бегом рванул к своей роте, чтобы срочно начать выводить технику из зоны обстрела.

Варданян округлил глаза, словно до него стало что-то доходить, как тут снова ударили снаряды, на этот раз точно по палаткам!

Сразу же началась невообразимая паника! Люди заметались в разных направлениях, стали падать на землю. Полетели во все стороны комья земли и какие-то ошметки. Среди них были ноги Черкасова и голова Чикова. Варданяну стало плохо, но он, преодолевая себя, рванул к своей батарее 76 мм пушек.

Словно насмехаясь над несуразностью происходящего, где-то в стороне заиграл горнист, подавая звуковой сигнал неведомым артиллеристам, чтобы они прекратили стрельбу. На сопредельной территории немецкий офицер, который наблюдал пуск красных ракет, опустил бинокль и произнес:

– Гут!

На полигоне русских бушевал крошечный огненный ад!

Минут через пять в той стороне, чуть сбоку, взвилась зеленая ракета.

– Зеленая ракета! – тут же произнес наблюдатель.

Офицер снова поднял бинокль, проследил странный сигнал с сопредельной территории.

– Прекратить огонь! – крикнул он.

Немецкие 105-мм лёгкие гаубицы Ie. F. H 18 прекратили огонь.

Одетый в форму капитана НКВД Николай Бунин (бывший штабс-капитан, смотрите главу 8) из группы обер-фельдфебеля Курта Вернера лежал, хорошо замаскировавшись в зарослях леса, возле полигона. В руках у него была снайперская немецкая винтовка. Вскоре появился его напарник, тоже со снайперской Kar-98 k, и доложил:

– Сигнал ракетой наши подали.

– Хорошо, Петро. Сейчас начнем работать. Вон, видишь, русские начали собираться в походные колонны. Смотри, возле гаубиц стоит подполковник. Этот краснопузый мой. Ты берешь того офицера, который рядом с ним. Наверняка его зам. Потом переносим огонь на батарею 76-мм пушек. Я стреляю чернявого офицера, а ты второго. Понял?

– Понял!

– Делаем по два выстрела и уходим!

Старший лейтенант Варданян, напрягая голос и сильно волнуясь, кричал:

– Луценко! Ну что ты возышься! Давай вперед! Сибатуллин, ты второй! – давал он указания командирам 76-мм орудий, стараясь навести порядок в своей батарее.

Немцы стрелять прекратили, но части, находящиеся на полигоне, по-прежнему с лихорадочной поспешностью продолжали строиться в походные колонны. Командовал всем подполковник Усманов.

Тут к Варданяну подбежал сержант Сеницын и спросил:

– Что караулу делать? Снимать часовых?

– Пуст остаюда охранять имущество! Как всё уляжется, мы вэрнемся! Ты тоже останся! Днэвальные тожэ! Ты старьший!

– Собирать палатки?

– Да! И все что остается!

Сержанту явно хотелось драпануть отсюда, и он даже на минутку задумался, как лучше это сделать, но тут со стороны леса раздался выстрел. Подполковник Усманов рухнул с пробитой головой. Следом раздался еще один выстрел. Капитан, который стоял рядом с командиром, тоже упал.

Сразу же поднялась паника! Сеницын чесанул назад в укрытие к караулу.

Кругом стали раздаваться крики:

– Снайперы!

– Бандиты!

– Это местные кулаки!

– Из леса стреляют, сволочи, вон оттуда!

Варданян инстинктивно пригнул голову, и тут же пуля сбила ему фуражку. Он от неожиданности упал.

Майор Барабулька не растерялся и крикнул:

– Развернуть орудия, фугасно-осколочными по...

Но договорить не успел, пуля ударила ему точно между глаз.

– Твою мать! – выругался сержант, рядом с которым он упал.

Все залегли. Всем стало страшно. Несколько человек всё же стали стрелять из винтовок в ответ.

Бунин, увидев, как красные залегли, не отказал себе в удовольствии и приказал:

– Стреляем на выбор, по три патрона, и уходим перезаряжаться!

Снова раздалась выстрелы. Причем каждый находил свою жертву.

Варданян осторожно стал переползать к ближайшей пушке. Там за щитком прятался сержант.

– Заметил, откуда стреляют?

Тот кивнул.

Варданян позвал заряжающего.

– Попов! Осколочно-фугасный, быстро!

А затем скомандовал сержанту:

– Даварачываем арудые!

– Там же снайперы!

– Я сам снайпэр! Давай!

Лежавшие рядом бойцы бросились помогать.

Как только пушка встала в нужное положение, все кинулись на землю. Заряжающий подал снаряд.

В это время Бунин выпустил последний патрон, опустошив магазин в огромную массу растянувшихся порядков русских. Тут он заметил, что среди этой копошащейся массы одно орудие русские разворачивают прямо на них.

– Твою мать! – тихо проговорил он. – Уходим, быстро!

Варданян увидел в прицел последнюю вспышку выстрела врага и тихо сказал:

– Я сам снайпэр!

Пушка рявкнула, и снаряд полетел точно в цель!

Глава 19. 22 июня 1941 г. Нам бы зацепиться и очухаться!

Бывший штабс-капитан Николай Бунин очнулся и ничего не соображал. Голова раскалывалась словно под ударами сотен ярких молний. Но он, преодолевая боль, встал. Инстинкт самосохранения подсказывал, что нужно уходить с этого места к грузовику, и прежде чем это сделать, диверсант перевернулся на спину, достал из-за пояса сигнальный пистолет и выстрелом послал в небо красную ракету в направлении русских. Чуть приподнявшись, Бунин увидел безжизненное тело своего напарника в неестественной выгнутой назад позе, словно это была сломанная кукла, брошенная навзничь на заросли кустов невидимой рукой того, кому с ней надоело играть. Осколочно-фугасный снаряд русской 76-мм пушки откинул и самого Бунина ударной волной, причинив сильную контузию. Он посмотрел на падающую красную ракету, перевернулся на живот и на карачках пополз подальше отсюда. Он боялся второго выстрела. И не зря. Следующий снаряд буквально засыпал землей одетого в форму капитана НКВД Бунина, и он провалился в темноту. А уже через пару минут новый залп немецких снарядов накрыл полигон русских и те войска, которые там были собраны для предстоящих окружных учений. Здесь находился 459-й стрелковый полк и 472-ой артиллерийский полк 42-й стрелковой дивизии и два батальона 84-го стрелкового полка из 6-ой стрелковой дивизии, то есть части 28-го стрелкового корпуса. К этим учениям, помимо всего прочего, привлекался весь высший и старший комсостав 4-ой армии. Сами учения проводились согласно теме «Преодоление второй полосы укрепленного района». Кроме того, предполагалось продемонстрировать возможности легких танков Т-26, плавающих танков Т-38, броневедомостей, руководство которыми возлагалось на командование 22-ой танковой дивизии. Однако вечером 21 июня 1941 года командующий округом Павлов проведение учений отложил, командиров частей и соединений отозвал в места постоянной дислокации дивизий и полков, но сами учений не отменил. Таким образом, снайперы из группы обер-фельдфебеля Вернера (прототип указан ранее) не имели возможности уничтожить командование этих войск русских. Сам обер-фельдфебель Курт Вернер, получив от дозорных сведения о гибели своих самых лучших снайперов, принял решение продолжить движение группы по дальнейшему маршруту. Колхозная полуторка с НКВДэшниками снова выехала на проселочную дорогу, оставив место своей стоянки в лесу, неподалеку от полигона русских. Диверсанты, сидящие в кузове грузовика, с мрачным видом вслушивались в близкие разрывы снарядов и вглядывались в поднимающиеся над деревьями клубы дыма и пыли. Война пахнула на них смертельным запахом со всей своей неотвратимостью. Погибли два их товарища, сейчас гибнут русские, но кто знает, что их самих ждет через минуту в тылу врага. Нервы были напряжены, взгляд стал острым как никогда, мышцы были готовы в любой момент отреагировать на опасность...

А вот старшему лейтенанту Варданяну ох, как было интересно узнать, попал он или не попал! Но начавшийся с новой силой артобстрел заставил бежать всех подальше отсюда, бросая технику, орудия, а порой и винтовки. Возникла самая настоящая паника. Люди гибли десятками. И не важно, залег ты или пытался убежать из места, где рвались снаряды. Тут действовал принцип смерти «кому как повезет». Первой батарее 472-го артиллерийского полка повезло. Ездовые успели подать лошадей, и бойцы быстро подцепили все четыре пушки под грозные окрики Варданяна, и, как в кино, на рысях красиво помчались прочь. Следом за ними быстро покатались три броневика, два БА-10 и один БА-20 из 22-ой танковой дивизии. Остальные уцелевшие люди и техника беспорядочным потоком устремились за ними на северо-восток, к грунтовой дороге Брест-Пинск. Спустя сорок минут на полигоне всё было кончено. Развороченные пушки, горящие танки, разбитые тягачи и грузовики. Особенно удручающе

горел склад ГСМ. Кругом были убитые и раненые. Уцелевшие поднимались и уныло бродили среди разбитых построек и разорванных в клочья палаток. Несколько командиров начали организовывать эвакуацию раненых. Даже нашлись два уцелевших грузовика. Из всех сторожевых вышек уцелела только одна, поста №3, которая находилась в северо-западной части полигона. Сюда ни один снаряд не упал. Находившийся на ней часовой Петр Сидоров единственное, что себе позволил при артобстреле, так это слезть с вышки, отбежать на тридцать метров и спрятаться в первой же ямке. Но как только обстрел закончился, он, выждав десять минут, добросовестно опять залез на вышку, опасаясь, как бы кто не увидел, что он бросил свой пост в трудную минуту. Сержант Синицын, имея ключи от погреба с картошкой, спрятавшись там, закрылся и сидел в полутьме, изредка посматривая в небольшое окошечко. Выходить ему решительно не хотелось. Вскоре полигон опустел. Уцелевшие части и подразделения понуро разбредались по проселочным дорогам и окрестным лесам, не зная, что делать и куда двигаться. Вскоре появился сводный отряд капитана Белоярова и придал этому отступлению упорядоченное и осмысленное движение. Всё согласно вскрытому «Красному пакету», всё согласно плану прикрытия границ – марш бросок на тридцать километров вглубь территории в район станции Жабинки. Когда остальные командиры это поняли, у них зародилась надежда на то, что, оторвавшись от немцев (которым еще нужно было переправляться через Буг), они успеют окопаться, подготовить оборону, привести войска в порядок, наладить связь, подвезти горючее и боеприпасы, провести разведку сил и расположения противника, на основании этого составить план, и мощным, подготовленным ударом выбить немцев с родной земли! Тем более, что к 9 часа утра первые 60 танков Т-26 уже подходили к Жабинке, понятное дело, без пехоты и пеших подразделений, которые пошли в обход. В общем, как сказал заместитель командира 22-ой танковой дивизии полковник Кононов Иван Васильевич (прототип полковник Кононов И. В.) собранным на короткое совещание командирам: – Совершаем пеший форсированный марш на Жабинку через Радваничи. Там начинаем готовить оборонительные рубежи и ждем дальнейших приказаний. Нам бы зацепиться и очухаться! А там мы им покажем, гадам!

Но этим планам, которые понимали все командиры, начиная от лейтенантов и заканчивая полковниками, не суждено было исполниться. Однако мы не будем забегать вперед, а вернемся к подвижному отряду капитана Белоярова и встретившимися с ним бойцам лейтенанта Старновского. Броневики, подошедшие на помощь в самый критический момент боя, появление которых было встречено радостным «ура», переросшим в грозное атакующее «ура», теперь стояли на перекрестке дорог, контролируя поворот на деревню Михасино и далее на Радваничи, куда в данный момент направлялась некоторая часть пеших людей 22-ой танковой дивизии и присоединившееся к ним подразделение 28-го стрелкового корпуса. В это время лейтенант Старновский обходил строй безоружных новобранцев и бойцов, потерявших свои винтовки. Таких набралось аж 86 человек. Почти два взвода!

Капитан Белояров не пожадничал и выделил старшего сержанта с ППД и двух ефрейторов. Один из них был вооружен ручным пулеметом Дегтярева, а второй с автоматической винтовкой СВТ с примкнутым штыком. Достаточно было только одного взгляда на них, чтобы понять, что это не просто командиры этих людей, а в первую очередь конвоиры толпы безоружных солдат, чтобы те не разбежались. Лейтенант пытливо глядел в глаза солдат, пытаясь понять, струсят ли они, предадут ли, или выполнят свой воинский долг до конца. Обойдя строй, встал напротив них, чтобы его хорошо было видно, и зычным голосом произнес:

– Товарищи красноармейцы! Я лейтенант Старновский. Отныне я ваш командир. Капитан Белояров поставил нам задачу подготовить оборонительные рубежи возле моста у деревни Михасино. Задача важная. Мы выроем окопы, сделаем ДЗОТы и займем оборону, пока нас не сменят.

– У нас даже лопат нет! – нашелся кто-то смелый из задних рядов.

Второй угрюмый голос добавил:

– И оружия!

– Лопаты найдем! А вот что касается оружия, вот вы видите у меня немецкий пистолет-пулемет. Он взят в бою. Фашист, который еще сегодня утром держал это оружие – убит! Вот стоят мои бойцы, у них тоже трофейное оружие. Черкашин, встань рядом, покажи немецкий пулемет!

Белёсий, крепкий боец невысокого роста встал рядом с лейтенантом. На груди у него висел немецкий пулемет МГ-34, с плеча свешивалась пулеметная лента, а в левой руке он держал короб с патронами. Новобранцы и потерявшие оружие красноармейцы стояли понуро, но с интересом поглядывали на трофейное оружие лейтенанта и Черкашина. Сержант Васильев вместе с Солнцевым стояли чуть в стороне. Камышева Старновский отправил к остальному отряду с заданием, чтобы они выходили к полевой кухне и там ждали лейтенанта. Раненого Воробьева уже погрузили на повозку с ранеными, которая вместе с остальными телегами медленно попылила в сторону деревни Михасино. Лейтенант выждал театральную паузу, чтобы до красноармейцев дошло, что немцев всё-таки можно бить, и продолжил: – Как видите, сейчас у нас два пулемета, так что постоять за себя мы сможем, если вдруг в тылу покажутся какие-нибудь диверсанты. Так что безоружным наш отряд не является. Ну, а как только мы выполним задание, вас направят дальше в расположение нашей дивизии. Так что, чем быстрее мы построим оборону, тем быстрее вы сможете получить оружие. Стоящий сзади чернявый красноармеец, который крикнул насчет лопат, тихо процедил своему соседу: – Чем дольше будем копать, тем дольше нас не пошлют в бой!

Глава 20. 22 июня 1941 г. Пять винтовок на сотню человек

– Лейтенант Старновский, подойдите ко мне! – капитан Белояров что-то писал на планшете в листок, сидя в коляске своего мотоцикла.

– Товарищ капитан, лейтенант Старновский прибыл... – начал было Александр, но капитан махнул рукой:

– Лейтенант, не на плацу! Ты лучше напиши боевое донесение. Я его к своему приложу. Коротко укажи, как ты тут оказался, сколько немцев убили, сколько трофеев взяли. Про то, как взяли в плен немца, сообщи. Документы убитых немцев у вас?

– Так точно, товарищ капитан!

– Приложишь к своему боевому донесению. Пленного посадишь вот в этот мотоцикл! – капитан указал на стоящий рядом ТИЗ АМ-600 с водителем, за спиной у которого был автомат.

– Есть! Разрешите вопрос?

– Разрешаю!

– У меня двум бойцам на днях присвоили звание ефрейторов, Солнцеву и Орловскому. Номера приказа у меня записаны. По телефону сообщили вчера. Нельзя ли оформить это в красноармейских книжках должным образом?

– А что так?

– После тридцатидневных инструкторских полковых сборов нас, то есть их, сразу сюда. Приказ уже вдогонку пришел. Командир полка, видать, сильно занят был.

– Будешь тут занят! Последние дни начальство вон как суетилось! Видать, чувствовали наши, что начнется скоро. Готовиться начали, да не успели! – последнюю фразу капитан сказал злым голосом.

– Товарищ капитан, у меня сейчас 86 безоружных красноармейцев под командованием! И всего два сержанта! И даже ефрейторов и тех двое! Которых вы направили! Поэтому очень нужно своих оформить должным образом! Всё полегче будет!

– Понял! Вопрос решим! Давай сюда этих двух бойцов, я сейчас отправляю два мотоцикла с нарочным отвезти боевое донесение и пленного в Радваничи, так что пусть твои орлы этого пленного заодно и конвоировать будут. Да ты не беспокойся! Мой нарочный хоть и младший лейтенант, но из старшин, мы с ним еще в финскую вместе воевали. Боевой мужик! Он поспособствует твоим новоиспеченным ефрейторам. Вон видишь, возле обочины стоит?

Взгляд Старновского остановился на новом ИЖ-9 с 350-кубовым 4-х тактным двигателем мощностью 14 л. с. Мотоцикл был хорош! Двухколесный. Рядом стояла не менее примечательная личность – младший лейтенант в кожаной куртке, с лётными очками на мотоциклетном шлеме. Он небрежно подпирал своего стального коня и с нетерпением посматривал на капитана.

Капитан Белояров продолжил:

– Это мой «летучий голландец», быстроногий гонец, младший лейтенант Федя Тарабанько, между прочим, призер окружных соревнований по мотогонкам!

Старновский посмотрел на капитана Белоярова и подумал, как всё просто и легко у того получается. И народ-то у него боевой подбирается, и личности неординарные, теперь понятно, почему он буквально вцепился в отряд Старновского и по сути «прикарманил» его себе. Внагую. Пользуясь моментом и своим особым положением по выполнению важного задания!

А тут как нельзя вовремя и пленного взяли! Старновский вспомнил, как обрадовался «языку» капитан Белояров. Тут же приказал заново перебинтовать раненого немца, проследил, чтобы мази заживляющие тому приложили, а потом лично его допросил и даже сигареткой

угостил. Лейтенант усмехнулся, когда услышал слова Белоярова «пусть знает, что у нас тоже как в Европах сигареты курят». Вот такой вот оказался капитан, даже сигареты для «форсу» держал. Как и Старновский.

Да-да, дорогой читатель, первые советские сигареты стали выпускаться на «3-ей табачной фабрики имени Клары Цеткин» еще в 1928 году. А с 1936 года это фабрика была переименована в «Ленинградскую табачную фабрику имени Клары Цеткин». А сами сигареты как явление появились еще раньше, в США в далеком 1847 году, когда была основана компания Philip Morris (для тех, кто не знает – курение вредно для здоровья). Ах да, папироса – это и есть разновидность сигарет, вот они-то в СССР и получили куда большую популярность до войны, чем сигареты, хотя последние усиленно рекламировались в прессе. Ну вот любил пролетариат то, что покрепче! Однако оставим исторические оригинальные изыски и вернемся к нашему главному герою.

А сейчас лейтенант Старновский сидел, прижавшись спиной к придорожной сосне, и на командирском кожаном коричневом планшете карандашом в своем блокноте писал боевое донесение о том, как его с отрядом бойцов из двенадцати бойцов послали на хозяйственные работы в колхоз и все последующие события сегодняшнего утра. Указал поставленную задачу по строительству обороны моста.

В конце добавил:

В строю

95 красноармейцев (из них безоружных 90)

2 ефрейтора

2 сержанта

1 лейтенант

Всего 100 человек.

Раненых:

2 человека

Вооружение: 5 винтовок, 2 пистолет-пулемета, 2 пулемета (ручных).

4 пистолета.

Справка по вооружению:

Винтовки:

4 немецкие винтовки (трофейные)

1 СВТ

Всего 5 винтовок.

Пистолет-пулеметы:

ППД – 1 штука

МП-40 (немецкий, трофейный) – 1 штука

Всего 2 пистолета-пулемета.

Пулемёты:

1 ДП-27

1 Немецкий пулемет МГ-34 (немецкий, трофейный)

Всего 2 пулемета.

Пистолеты:

1 «ТТ» табельный у командира,

1 реваган,

2 немецких (взяты у уничтоженного пулеметного расчета).

Боеприпасы:

Патроны

2/3 боекомплекта.

Гранат нет.

Шанцевый инструмент:

9 штыковых лопат

2 топора

14 малых саперных лопат (включая немецкие).

Тыловое обеспечение:

1 полевая кухня,

1 повар,

Запасы продовольствия на 1 сутки.

Старновский закончил писать и задумался.

Потом добавил, вспомнив, что он еще и комендант:

«Лопаты, кирки и мотыги намерен взять в колхозе и в деревне Михасино. Продовольствие в колхозе «Новая Заря».

Для укомплектования гарнизона укрепрайона необходимо:

– 90 единиц стрелкового оружия

– гранаты

– саперные лопаты 86 штук.

– патроны по 2 боекомплекта на 100 стрелков.

Далее Александр поставил подпись

«Комендант укрепрайона моста в районе деревни Михасино лейтенант Старновский А. С.».

Вроде даже как-то значительнее получилось, чем просто «командир взвода». Теперь у него сотня человек в подчинении, а не 62 человека, как в его родном втором взводе (вместе с отделением 50-мм миномета). Вот только по силе оружия гораздо слабее. Да и с младшим командным составом совсем плохо. Может, всё-таки решится вопрос с его ефрейторами. Их можно будет поставить командовать отделениями.

Глава 21. 22 июня 1941 г. Встреча с особистом

Деревня Радваничи. Штаб командира пешей группы 22-ой танковой дивизии полковника Кононова Ивана Васильевича. Возле сельсовета стоит пара грузовиков, несколько мотоциклов и броневик. В соседний дом переносят раненых из стоящих рядом повозок. На окраину деревни подходят разрозненные группы пеших людей и распределяются по строящимся оборонительным рубежам. Кто-то проходит дальше мимо штаба, поднимая пыль.

Возле крыльца стоят два мотоцикла – двухколесный красавец ИЖ-9 и ТИЗ АМ-600 с коляской. Рядом с ними стоят и курят водитель-мотоциклист ТИЗа с ППД за спиной, Солнцев с МП-40 на груди и Орловский с трофейной немецкой винтовкой. В кабине соседнего грузовика с открытой дверцей сидит, развалившись, водитель, он долго смотрит на автомат, на Солнцева, а потом спрашивает:

- Слышь, рыжий, ты что ль немца убил?
- Нет, это мой командир его убил! – немного обиделся Вася на такое обращение.
- А ты что?
- У моего немца другие немцы успели забрать оружие!
- А чего же так? – оживился шофёр, лишь бы побалагурить.
- А так! – неохотно ответил Солнцев.
- Видать, знатная машинка этот немецкий автомат-то?
- Лёгкий! – уклончиво ответил Василий.

Тут, привлеченный разговором, подошел какой-то щеголеватый капитан.

- А ну, боец, покажь трофей!
- Не положено. Личное оружие! Мне его мой командир вручил!
- Ишь ты, какой важный! А ты знаешь, что красноармейцам трофейное оружие не полагается? – захотел взять на испуг рыжего бойца щёголь в хромовых начищенных до блеска сапогах.

– Оружие теперь моё, командованием даденое! И другого нету!

– Что, бросил? – сощурил глаза, как пантера перед прыжком, капитан, надеясь, что сейчас он этим прищучит этого бойца и заберет немецкий МП-40.

– А не было личного оружия, нам его перед убитием на хозработы не дали!

– Красноармеец, пройдемте со мной, сейчас вам выдадут винтовку, какая положена, а трофей сдадите!

Солнцев аж вспотел, понимая, что сейчас вот-вот психанет, сорвется и нацостыляет этому щёголю, или в лучшем случае просто пристрелит его! И в последний момент усилием воли всего лишь вскинул автомат и дал короткую очередь в воздух и крикнул с облегчением:

– Не положено!

На звук выстрелов из штаба выбежало несколько человек, а часовой возле двери уже взял на мушку распаленного на солнце рыжего бойца.

– А-атставить! – вдруг раздался зычный голос старшего лейтенанта НКВД Егорьева (смотрите главу вторую). Он спокойно спустился с крыльца, и, держа пистолет наготове, но стволом вниз, стал подходить к месту инцидента.

Щёголь капитан как-то сразу сник и скороговоркой стал оправдываться:

– Товарищ старший лейтенант государственной безопасности, этот красноармеец отказывается сдать трофейное оружие и получить штатную винтовку!

– Отказывается, говоришь? – особист подошел к Солнцеву, попутно оценивающе окинув взглядом Орловского и бойца-мотоциклиста.

Солнцева словно молнией пришибло, он стоял, словно парализованный кролик, и смотрел на сотрудника НКВД, как на подползающего огромного удава.

Довольный произведенным на бойцов впечатлением, Егорьев строгим голосом спросил:
– Боец, почему отказываешься? Немецкое оружие лучше нашего? Тебе советская винтовка не нравится?

– Нравится! – только и смог выдавить насмерть перепуганный Солнцев.

– Ну а раз нравится, почему же отказываешься подчиняться старшему по званию? Знаешь, что за это тебе полагается?

– Мне его лейтенант Старновский вручил! Он лично этого фашиста пулей в лоб из пистолета убил! Ровно между глаз! Это его трофей! Он его мне дал для сопровождения пленного!

– Так это, значит, вы доставили пленного немца! – чуть ли не нараспев произнес НКВДэшник.

– Так точно, мы!

– Ты его взял в плен?

– Нет. Наш сержант Васильев! Вместе с лейтенантом...

– Старновским! – подсказал Егорьев.

– Так точно, товарищ старший лейтенант государственной безопасности!

– Значит, говоришь, ваш командир, лейтенант Старновский, этого фашиста вот так прямо между глаз, да в лоб? Он так метко стреляет?

– Так точно! Прямо между глаз. Из «ТТ». Я потом сам смотрел. После боя! Он еще двоих убил! Одного ранил, но я его собственноручно добил!

– Понятно! И сколько же вы трофеев взяли?

– Четыре винтовки, МП-40, и немецкий пулемет, название забыл!

– Молодцы! – задумчиво произнес особист.

– Так это вам хотят присвоить звание ефрейторов? – Егорьев посмотрел на рыжего бойца, а потом на окаменевшего здоровяка Орловского.

– Так точно!

Тут особист обернулся к капитану и бросил сквозь зубы:

– Свободен!

Тот с радостным облегчением чуть ли не бегом прыснул за забор.

Старший лейтенант НКВД достал твердую упаковку папирос «Герцеговина Флор» и по-свойски дружески протянул её солдатам:

– Закуривайте!

Те с замороженными лицами и словно деревянными руками с опаской взяли по одной папироске.

Особист вальяжно щелкнул зажигалкой и дал всем прикурить, а потом и сам с удовольствием затянулся. Прищурил глаза, словно прицеливаясь, и спросил рыжего:

– Ты Солнцев?

– Так точно, красноармеец Солнцев! – вытащив изо рта папиросу, произнес Вася, вытянув руки по швам, чтобы как можно больше потрафить НКВДэшнику. Тому понравилось.

– Можешь теперь себя называть ефрейтором. Я вижу, ты парень не промах, если будешь умным, то и сержантом скоро станешь. Ты больше не стреляй так, не пугай народ-то, а сразу говори, что старший лейтенант госбезопасности Егорьев твой товарищ. Сразу отстанут! Понял?

– Понял!

– Стрелял-то чтобы автомат не отобрали?

– Так точно!

– Смелый! Сам-то сколько немцев убил?

– Которого сам – то одного. А которого добил, так его товарищ лейтенант подранил. Он на лошади ускакал, так я его перехватил, лошадь на дыбы, а раненый немец головой и зашибся. Жаль, конь вырвался и ускакал. Может, еще споймаем где!

– А ты мне про весь бой расскажи, и про то, как пленного взяли!

И тут, как говорится у Ильфа и Петрова, «Остапа понесло»...

Солнцев, на радостях от такого поворота событий, и про первый бой рассказал, и про второй, и про то, какой у них лейтенант смелый и находчивый. Про Воробьева особо отметил, что тот снайперскими выстрелами уничтожил пулеметный расчет, правда, потом его ранили. Ну и про себя, любимого, не забыл. Рассказал, как кидал гранаты, как полз по следам волочения смертельно раненого им фашиста, чтобы посмотреть, убил он его или нет.

– Ну и посмотрел?

– Посмотрел, товарищ старший лейтенант госбезопасности!

– Ну и как?

– Да никак, расстроился, что его уже свои же и обчистили! Мне винтовку очень надо! Автомат-то я командиру отдам. Нам бы для отряда оружие, товарищ старший лейтенант госбезопасности! Нас там почти сотня, а винтовок всего пять!

– С оружием проблемы. Пока! Но скоро будет! Скоро всё будет! Скоро погоним фашистов с нашей земли! – для убедительности особист похлопал Солнцева по плечу. – Курите, а я попробую для вашего отряда что-нибудь организовать!

Когда он зашел в штаб, Орловский с облегчением вздохнул:

– Уф, пронесло! А ты, Солнцев, меня чуть заикой на всю жизнь не сделал. Я думал, ты пристрелишь этого капитанчика, такое у тебя зверское выражения лица было! Ты часом не псих? Палить в воздух возле штаба! Да поверх головы красного командира!

– Да, уж, сегодня пронесло! – выдохнул Солнцев и снова сладко затынулся дорогой папиросой, взглянул на Орловского и озабоченно спросил:

– Слушай, Стёпа, я ничего лишнего не сболтнул?

– Да вроде нет!

– Да или нет?

– Вроде нет. Верно же, Коля? – Орловский спросил мотоциклиста.

Тот подтвердил:

– Да вроде нормально всё! Этот особист так мягко стелил, что и не поймешь, что ему нужно было!

Глава 22. 22 июня 1941 г. Мародеры

Лейтенант Старновский остановил свой отряд возле отворота на летний учебный лагерь. Задумался. Всем туда идти, или взять с собой только несколько бойцов? Что-то ему подсказывало, что туда нужно идти, как в разведку. Малой группой и скрытно. Старновский был уверен, что нужно сделать именно так, как подсказывал внутренний голос. Некоторые это называют интуицией, но это было что-то другое.

Старновский еще раз посмотрел на вновь прибывших безоружных красноармейцев. Зрелище было вовсе не оптимистическое. Сейчас они стояли в две шеренги и терпеливо ждали приказа командира. Взгляд лейтенант задержался на высоком бойце из второго ряда. Он подошел к нему и по-простому спросил:

– Боец, как тебя звать?

– Красноармеец Ярошик!

– А по имени?

– Микола!

– Выйти из строя!

– Есть выйти из строя!

Боец, не торопясь, вышел, встал по стойке смирно.

– Сколько служишь? – продолжил расспрашивать лейтенант.

– Полгода уже!

– А как винтовку потерял?

– Не терял я её. Просто не получали мы!

– Как так, война идет всюю, а вам винтовок не выдали?

– Так команды не было! Все думали, что это по ошибке нас обстреливают. Что учения начались. Мы из палаток вышли, а потом как немец лупанул, все и побежали!

– Понятно. Значит, ваши командиры решили, что учения начались, а вы не виноваты в том, что струсили?

– Я не трус! Просто нужно было от вражеского огня прятаться!

– Ладно, пойдешь с нами! Будешь вторым номером при пулемете! Красноармеец Черкашин!

– Я! – отозвался белообрый боец, стоящий в начале строя.

– Красноармеец Ярошик поступает в ваше распоряжение. Будет вторым номером! Выдайте ему немецкий пистолет!

– Есть! – ответил Черкашин.

Лейтенант посмотрел на Ярошика, тот даже немного обрадовался такому назначению. Значит, выбор оказался правильным! Старновский ему ободряюще улыбнулся и по-своему сказал:

– Давай, Микола, дуй к своему новому месту службы!

– Есть, дуть! – ответил тот и побежал к Черкашину.

По строю солдат пробежал смешок. Кто-то ляпнул:

– Теперь будет дуть, пока не лопнет!

– Разговорчики! – рявкнул лейтенант.

Все притихли.

– Всё смеётесь? А товарищ ваш, между прочим, сейчас на боевое задание пойдет! Еще раз услышу подобные разговорчики, подрывающие дисциплину, приму меры, предусмотренные военным временем.

– Расстреляете, что ли? – слышалось с задних рядов.

– Я не спрашиваю, кто это сказал! Знаю, струсит выйти и спросить в открытую. Но отвечаю, могу и шлёпнуть, как врага народа, труса и вредителя! Война началась, а не манёвры!

Сказано это было спокойным голосом, без надрыва, как что-то само собой разумеющееся и неотвратимое. Что удивительно, но все сразу подтянулись под взглядом лейтенанта, сами собой стали подравниваться. Многим этот взгляд командира не понравился. Другим, наоборот, внушил какую-то надежду. Таких было мало. Но они были. И Старновский их запомнил. И других тоже!

Затем лейтенант зычным, командирским голосом скомандовал:

– Всем разойтись, привал! Сержант Васильев, ефрейтор Подкорытов, Черкашин, Ярошик, Камышев ко мне! Пойдете со мной в лагерь! Сержант Ловчев, остаётесь за старшего!

Лейтенант вздохнул, не было рядом ним Воробьева, которого вместе с другими ранеными отправили на повозках в Михасино, не было Солнцева и Орловского, которые уехали в штаб доставлять пленного и получать ефрейторские звания. Не было проверенных бойцов! Старновский, взяв мосинку наизготовку, оглядел собравшихся вокруг него людей и коротко сказал:

– Идем в лагерь скрытно и тихо! За мной марш!

Через полчаса они уже были на месте.

А в это время, в этом самом лагере, между разорванных в клочья палаток, разбитой техники, перевернутых повозок, обходя многочисленные воронки и поваленные деревья, бродили четыре человека, одетых в длиннополые серые плащи. У двоих были обрезы мосинок, у одного за спиной была польская винтовка м-1929, сделанная как вариант немецкой Kar-98-k. Главарь сжимал в руке револьвер «Наган». Мародеры тихо перекликались по-польски.

– Петро! Чего ты возишься с этими ящиками? Давай сюда! Срезай вот этот кусок брезента! – главный указал на более-менее целую палатку, поваленную набок.

Затем, увидев возле покосившейся полевой кухни несколько мешков с картошкой, обрадовался:

– Анджей, Богуслав, ведите сюда телегу, грузите картошку! Солдатские шмотки потом посмотрите!

Пятый, темноволосый мрачный тип в легком свитере и польской офицерской конфедератке с вышитым серебряным галуном, сидел, спрятавшись за кустами, возле дороги, ведущей к лагерю, выставив ручной пулемет Browning wz. 1928, который, по сути, был польской модификацией бельгийского пулемета Браунинга ФН 1924 года. Польский ручной пулемет имел прицельную дальность стрельбы 1600 метров, эффективную дальность 800 метров. Его скорострельность была 500 выстрелов в минуту, емкость магазина составляла 20 патронов «маузер» (7,92x57мм).

Вот его-то лейтенант Старновский и заметил по его головному убору, отсвечивающему серебряными нитями, и сразу дал знак рукой сержанту, чтобы тот замер. Хорошо, что они в разведку пошли вдвоем. Остальных бойцов Александр оставил в ста метрах отсюда. Как чувствовал, что тут есть чужаки. Старновский сразу оценил, какую удобную позицию занял караульный, сзади росли густые непролазные кусты шиповника, а значит, оттуда никто не мог подкрасться бесшумно, спереди был хороший обзор дороги, и только со стороны леса было небольшое редколесье. Именно отсюда и можно было обнаружить дозорного, если знать, где его искать.

А лейтенант знал. Он и сам присмотрел это место, когда бродил по окрестностям лагеря, всего-то пару дней назад. Как много и как безвозвратно всё изменилось с этого времени! Старновский медленно отошел назад, показал рукой, что уходим, и они с сержантом тихо и бесшумно удалились отсюда на полсотни шагов.

Затем Старновский шепотом сказал прямо на ухо сержанту:

– К нему незаметно не подобрешься. Сзади плотно растут кусты, а сбоку незаметным не подойдешь. Только стрелять. Поэтому продолжаем разведку. Если он тут сидит, значит в лагере кто-то чужой. Похоже, что это польские буржуазные недобитки!

– Или местные кулаки и помещики! В общем, контра! – уточнил сержант.

– Ну, да, контра! Давай пошли, только тихо!

А дальше всего-то через двести метров они увидели свой разрушенный, разбомбленный лагерь. Лежащие полотнища истерзанных палаток, разбитые грузовики, опрокинутые повозки и полевые кухни, разбросанные доски временных построек и кругом воронки. И все это обильно усыпано какими-то разбросанными вещами, сломанными ящиками, вперемежку с различным хламом и мусором.

Среди всего этого хаоса четверо людей в серых дорожных плащах собирали какие-то вещи и складывали на телегу. Оценив их вооружение – два обреза, винтовку и находившийся в руках главаря «наган», лейтенант принял решение атаковать. В том, что это были антисоветские элементы, никакого сомнения не было. У главаря мародеров на голове тоже была конфедератка, только не щегольская гарнизонная, как у караульного, а полевая конфедератка. Ну а польский ручной пулемет у дозорного сразу подсказывал, что перед ними недобитые представители польской буржуазной армии и местные кулаки или помещики (те, которые в серых кепках). В общем, контра (контрреволюционеры)! Понятное дело – в понимании военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной Армии! То есть РККА.

– Значит так, Григорий Иванович, берешь наших бойцов, занимаешь здесь позиции и ждешь моего выстрела, а потом открываете огонь! Вперед не лезьте. Просто стреляйте из укрытий! Я займу позицию возле дозорного и буду стрелять в пулеметчика. Возьми мои часы. Через десять минут я начну! Потом зайду с тыла, так что вперед батьки в пекло не суйтесь!

– Товарищ лейтенант, а как же вы без часов?

– У меня внутри натренированные часы! Так что давай, вперед! Главное, скрытно и тихо! Потому и даю время 10 минут! Всё, пошли!

Через десять минут главарь мародеров, который действительно был польским майором, как раз смотрел, как двое его людей грузят мешки с картошкой на телегу.

В это время лейтенант уверенно выцеливал пулеметчика, отсчитывая последние секунды его жизни. Тоже не простое дело. Хотя, как сказать, если знаешь, что тебя самого через минуту могут убить... Если уж твою жизнь не ценят, почему ты будешь ценить жизнь врагов?

Раздался выстрел. Польского бывшего офицера в потрепанном замызганном вязанном свитере откинуло в противоположную сторону с пробитой головой. Красивая окровавленная конфедератка закатилась в придорожную траву. Ручной пулемет безмолвно остался стоять на сошках, дожидаясь нового хозяина.

Следом, в отдалении, раздалась другая выстрелы, которые тут же заглушила длинная пулеметная очередь.

– Во Черкашин развоевался! Он же так все патроны сожжет! – тихо проговорил Старновский и пошел собирать трофеи.

А на обширной поляне, где еще рано утром стоял летний учебный лагерь 22-ого полка, замер главарь мародеров, тревожно прислушиваясь к выстрелу, ожидая, что будет дальше, чтобы сообразить, что нужно делать! В этот момент пуля, посланная из СВТ ефрейтором, пробила ему лёгкое, и он стал заваливаться, отчаянно что-то хрипя. И тут же вторая пуля добила его окончательно. В это время его поделники по банде укладывали третий мешок картошки. Богуславу пуля попала в бок, а вот Анджею повезло. «Его пули» веером просвистели над головой. Черкашин только приспособивался к немецкому МГ-34. Учился в условиях реального боя, так сказать!

Сержант же начал лупить из мосинки по Петро, который поодаль ножом выкраивал из большой палатки кусок брезента. Тот, как заяц, сразу же бросился бежать. А сержант торопился и всё время мазал.

– Черкаш! Смотри, уйдет!

Пулемётчик чуть повернул свою белесую голову, приноровился к такту бега удаляющейся фигуры и лупанул длинной очередью. Фонтанчики, взбитые пулями перед убегающим человеком, просто заставили того с ходу растянуться на земле и юркнуть в ближайшую воронку, откуда он уже не показывался. Черкашин, выбрав веточку на краю воронки, стал давать короткие очереди. Просто для тренировки и пользы дела. «Зайца» нужно было караулить, чтобы он и носа не высунул.

Анджей, который спрятался за мешок с картошкой позади телеги, судорожно бахнул из обреза. Бесполезно! Это оружие не для боя на расстоянии! Выстрелить, конечно можно, и даже попасть, но чисто случайно.

– Подкорытов, что ты не стреляешь? – крикнул сержант ефрейтору из новеньких.

– Счас! – ответил тот и выстрелил два раза подряд из своей самозарядки. Пули попали в мешок с картошкой.

– Черкаш, а ты что не стреляешь?

– Боюсь лошадь зацепить. Я лучше по воронке. Она подальше и в стороне!

– Твою мать! – воскликнул сержант и короткой перебежкой рванул вперед и влево.

Второй номер пулеметного расчета Ярошик крикнул:

– Витёк! Сержанта не зацепи!

– Вижу! – сквозь стиснутые зубы проговорил Черкаш и резко повернул ствол пулемета к телеге, где всё это время стонал раненый. Вот он пошевелился за спицами деревянного колеса, и, недолго думая, Витёк послал туда пару коротких очередей. Полетели деревянные щепки от обоих задних колес, и раненый затих окончательно, а телега чуть покосилась. Из четырех мародеров теперь в живых остались двое. Тот, который за телегой, за мешком картофеля, и второй, который спрятался в воронке.

Ефрейтор крикнул Черкашину.

– Витек, не стреляй по колесам! Ты же их все расшибешь! Прижми лучше того, кто в воронке!

Это было сказано вовремя!

Петро, набравшись храбрости, высунулся из воронки и поспешно выстрелил из своей польской винтовки м-1929, полного аналога немецкой Kar-98k. Выстрелил неплохо. Обойдя телегу сержант услышал, как возле его уха просвистела пуля. Он упал, но с «боевого курса» не свернул, прицелился и стал стрелять по видневшимся ногам того, кто лежал за телегой. Дело в том, что между сержантом и Анджеем находилась перевернутая полевая кухня. Прямо возле телеги. Она-то и закрывала обзор. Сержанту от поляка. Поляку от сержанта. Но ноги-то торчали!

Тут раздались выстрелы из СВТ, у Петро прямо по краю воронки ударили два фонтанчика от пули, и он шустро нырнул на дно ямы.

Бой поляками был заведомо проигран. Они были прижаты огнем русских и не имели возможности прикрывать друг друга и свои фланги. Они это поняли сразу. Анджей вскрикнул, что-то ему обожгло ногу. Он инстинктивно её поджал и понял, что это была всего лишь небольшая царапина от пули. И эта боль вдруг придала ему сил и смелости, чтобы рвануть к обгоревшему грузовику, спрятаться за ним и под его прикрытием бежать дальше, пока его не обошли с другой стороны.

Тут же следом раздалась пулеметная очередь, но на этот раз Анджея что-то ударило по голове, и он упал носом в землю. Чуть поодаль, кувыркаясь, шлепнулся его обреза.

– Еще один! – с каким-то зловещим наслаждением проговорил Черкаш, и, выждав несколько секунд, перевел огонь с неподвижно лежащего мародера с окровавленной головой на край воронки.

Петро еще раз высунулся и увидел, что Анджей лежит весь в крови. Дальше игра не имела смысла, и он по-русски крикнул:

– Русские! Я сдаюсь!

Сержант скомандовал:

– Прекратить огонь! – и обращаясь к поляку крикнул: – Эй, ты, давай выходи с поднятыми руками!

Тот демонстративно вышвырнул из воронки свою винтовку, а потом медленно показал поднятые руки, и потихоньку вылез из воронки.

Глава 23. 22 июня 1941 г. Пленные поляки

Сержант подошел к выкарабкавшемуся из воронки мародеру, и, наставив винтовку, сказал:

– Только без фокусов. Пальну сразу!

– Сдаюсь! Я же сказал – сдаюсь! – изображая испуг, сказал пленный.

Тут подошел ефрейтор Подкорытов, держа в руках брезентовый ремень, срезанный с одной из противогозных сумок, которые кругом валялись в изобилии.

– А ну давай руки, буржуй недобитый!

Поляк покорно протянул руки, и ефрейтор старательно стал их связывать, как умел.

Тут появился Черкашин, держа пулемет, как длинный узкий портфель на сложенном оружейном ремне. Посмотрел, как ефрейтор обвязывает руки пленному и дал ценный совет:

– Его обшарить не забудьте, а то вдруг у него ножик. Ремешок враз порежет и сбежит!

– Не сбежит! – Подкорытов уже обыскивал пленного, вытаскивая из карманов спички, курево, какие-то бумаги. С ремня снял два патронных подсумка. Один был наполовину пуст.

– Фотографию не забирайте! Это все, что у меня осталось от семьи!

Ефрейтор отдал изъятое сержанту, тот посмотрел фотографический снимок. Там модно одетый Петро важно сидел с пухленькой молоденькой барышней и семилетним плаксивым мальчонкой.

– Не бойсь. Все твои документы и бумаги отдам начальству. А оно уже решит, возвергать их тебе или нет!

– Зачем вы нас задержали и стреляли в нас? Мы же вам ничего плохого не сделали!

На что сержант спокойно ответил:

– А вот не надо было мародерничать на военном объекте. Знаешь, что у нас предусмотрено за мародерство и хищение социалистической собственности?

А Черкашин добавил:

– Кража, ст. 241 пункт «б» уголовного кодекса Белорусской ССР (примечание автора – 1928 года) до пяти лет!

Сержант с подозрением посмотрел на Черкашина, подумав, что надо бы спросить того, откуда у него такие познания? Если не сам этим занимался, то кто-то из друзей или родственников точно!

А в это время Подкорытов вытащил из голенища сапога пленного нож и сказал:

– Ну вот, теперь он точно никуда не убежит!

Бойцы сразу же немного расслабились.

Черкашин предложил:

– Нужно посмотреть, что у них на телеге!

– Верно! – согласился сержант, и тут же отдал приказ: – Черкашин, заступаешь в боевое охранение, займешь позицию возле дороги. Подкорытов и я смотрим, что в телеге. Ярошик, осмотри территорию на предмет наличия оружия, боеприпасов и другого военного снаряжения. Пленный, ты пойдешь с нами! Выполнять!

– А меня-то за что в охранение? – возмущенно спросил Черкашин.

– Не за что, а почему! А тебе, Витек, твои боевые товарищи и Родина доверяют жизни бойцов Красной Армии! Так что давай, оправдывай выказанное тебе высокое доверие! И не забывай, война всё-таки началась! В любой момент может возобновиться бой!

– Мы же Камышева оставили в лесу, чтобы нам тылы охранял!

– То в лесу, а то дорога!

Черкашин неохотно побрел прочь, взяв из рук второго номера коробку с патронами. Уж очень ему хотелось обшарить поле боя. Затем вдруг внезапно остановился и вскрикнул:

– Ребята, а куда делся тот, которого я подстрелил последним?

Все сразу же посмотрели в сторону телеги и перевернутой полевой кухни. Поляка с простреленной головой не было на месте!

Сержант тут же крикнул:

– Ярошик, караул пленного. Остальные за мной! – и он рванул туда, где еще пять минут назад валялся сраженный враг.

Черкашин, пробежав несколько шагов, сменил направление и рысцой направился ближе к лесу, стремясь занять позицию так, чтобы можно было простреливать возможные пути бегства поляка, хотя недоумевал, как тот мог с пробитой головой куда-то деться...

Анджей проворно полз к ближайшей разорванной палатке, намереваясь спрятаться под брезентом. Перевернутый обгорелый грузовик надежно скрывал его от взоров русских. Чуть поодаль стояла почти неповрежденная полторка. Он пролез под её днищем. Теперь два грузовика закрывали его от красных, которые столпились возле сдававшегося в плен Петро. Анджей оглянулся и увидел в кабине мертвое тело шофера. Преодолевая головокружение, мародер привстал на коленки и по собачьи подполз к кабине. Может, какое оружие есть? Он протянул руки к мертвецу, как вдруг почувствовал, что чья-то то тень накрыла его. Анджей испуганно обернулся и увидел направленное прямо в лоб дуло ручного пулемета «Браунинг», а затем услышал издевательский голос:

– И куда буржуй ползет на карачках? От рабоче-крестьянской армии не уйдешь! – Лейтенант Старновский улыбнулся.

Поляк обессилено упал на живот.

– Давай вставай! Пошли!

– Ранен я! Плохо мне.

Тут подбежали Подкорытов, Васильев и чуть позже Черкашин.

Сержант, увидев трофей, присвистнул:

– Интересная машинка, как называется?

– Это польский Браунинг. Ручной пулемет!

Подкорытов на правах специалиста по связыванию пленных уже перевернул поляка на спину и стал связывать ему руки на животе. Лейтенант, посмотрев, что все бойцы на месте, а Камышева он сам в лесу видел, спросил Васильева:

– Сержант, противник полностью уничтожен?

– Полностью, товарищ лейтенант! Двоих убили, двоих в плен взяли. Плюс ваш убитый.

– Отлично! Боевое охранение у дороги выставили? – спросил командир.

– Черкашин! Я что сказал? Давай в охранение!

Пулеметчик без лишних разговоров быстро пошел к лесной дороге.

Лейтенант начал давать распоряжения:

– Так, бойцы, а теперь внимательно осматриваем местность на предмет обнаружения воинского снаряжения, шанцевого инструмента, оружия и боеприпасов, если повезет!

– И продуктов! – уточнил сержант.

– Верно, и продуктов тоже! Васильев, давай сначала посмотрим телегу. Пленных посадим пока там же, возле неё.

Все разошлись по разбомбленному лагерю. Черкашин в этот раз прошел чуть дальше, туда, где дорога выходила на поляну лагеря. Здесь, на небольшом пригорке, был вырыт окопчик. Неподалеку валялся сломанный шлагбаум и покосившийся «грибок» для часового. Другого заезда в лагерь не было. На противоположной, самой дальней стороне вытянутой поляны протекал заболоченный ручей с мелкой растительностью, и дальше начинались покосы. Их отсюда, с более высокого места, было видно, даже когда стояли палатки. А теперь вообще обзор был хороший. Дул легкий ветерок, и Виктору стало совсем хорошо. Он достал флягу, сделал пару глотков и стал рассматривать трофейный обрез. На ствольной коробке была выбита над-

пись «Тульский императорский Петра Великого оружейный заводъ. 1914». Рядом находилось изображение короны Российской империи с орлом.

– Ух-ты! Царская винтовочка-то была! – уважительно проговорил вполголоса Черкашин и принялся вертеть обрез, принаравливаясь вытаскивать его из-за пояса. Для его плана побега вместе с Лаптевым из армии (слово «дезертир» ему однозначно не нравилось) такая вещь была бы просто незаменимым оружием скрытного ношения. Пулеметчик стал придумывать способы, как бы этот обрез получше заныкать себе. Как вдруг услышал из-за крайних деревьев голос:

– Черкаш! А, Черкаш! Не стреляй, свои. Я Ваня!

– Стой кто идет! – машинально выкрикнул дозорный, быстро наведя на голос свой пулемет.

– Я стою! Тут за деревом! – из-за ближайшей сосны осторожно показалась машущая рука и высунулось лицо в пилотке с красной звездочкой.

Черкашину физиономия показалась знакомой, но он суровым голосом спросил:

– Кто – ты?

– Витек, я же Ваня Малец, что, не узнаешь? Из третьей роты! Мы с твоим земляком Семеном Белокопытовым вместе в третьем взводе служим!

– Вот это номер! Ваня, как тебя угораздило тут оказаться? – удивился Черкашин и тут же подозрительно спросил, бросая короткие настороженные взгляды по сторонам: – Ты один?

– Один я, один! В карауле мы были. Всех поубивало, я один остался! Слушай, а кто у вас офицер-то?

– Командир-то?

– Да какая разница!

– Лейтенант Старновский! Он хороший командир!

– Ну, тогда я выхожу! Слышал я про вашего Старновского!

– Выходи, а я своих предупрежу! – Черкашин вытащил обрез и с удовольствием пальнул в воздух, а потом что сил крикнул:

– Товарищ лейтенант, тут наш боец!

...А незадолго до этого Старновский вместе с сержантом осматривали телегу. Здесь обнаружилось три мешка картошки, куски брезента, колесо от повозки, солдатские вещмешки, сухарные сумки, несколько противогазов. Две коробки с консервами, холщовый мешок с хлебом, просто пустые мешки и всего одна большая саперная лопата. Еще четыре мешка картошки лежали рядом.

Лейтенант обернулся к сидящим неподалеку пленным и спросил:

– А что, оружия не нашли?

Петро ответил:

– Оружия не было.

– Патроны?

– Было трохи. Всего один подсумок нашли.

Старновский подошел к пленным, присел на корточки перед ними и спросил, глядя в глаза:

– Где остальные отряды?

Петро сразу же ответил:

– Нету никакого отряда! Мы одни. Сами по себе были!

Анджей, зло глянув на красного офицера, отвернулся. Хотя какие это офицеры? Гольтьба! Недаром их зовут просто «товарищ командир»!

– Ну ладно, нету так нету! Потом сами всё расскажете! Вот сдадим вас куда положено, там вас допросят как положено! – сказал лейтенант, удовлетворенный полученной реакцией

допрашиваемых на заданный вопрос. Он очень хорошо чувствовал поведение людей. С детства! Эти мародеры были одни!

То, что других антисоветских банд не было, Старновского не удивило. Весь классово чуждый элемент из западной Белоруссии НКВД уже практически полностью вычистил. Очередная волна таких польских «буржуев» и их «прихвостней» начала переселяться в Сибирь и на дальний Восток буквально на днях. Об этом Старновский узнал от знакомого железнодорожника. Единственное, чего Александр не знал, так это то, что последние эшелоны таких переселенцев как раз успели попасть под бомбежку немецкой авиации.

Лейтенант встал, и вот тут-то раздался крик со сторожевого поста о том, что кто-то появился.

– Сержант, остаешься здесь с Подкорытовым и прикрываете нас! Ярошик, за мной!

Второй номер пулеметчика вытащил из-за ремня бандитский обрез и последовал за командиром.

Глава 24. 22 июня 1941 г. Игра со смертью

Красноармеец Володя Камышев лежал в старом окопчике среди зарослей шиповника и внимательно всматривался в лежащее напротив него сосновое редколесье. Хорошую ему позицию нашел лейтенант Старновский! Тут подход к учебному лагерю через лес просматривался лучше всего. Сзади, на поляне, отгрохотали выстрелы. И если никто за ним не пришел, значит, там всё в порядке, значит, наши победили! А стало быть, нужно продолжать прикрывать тылы отряда дальше. А если наших побили? Володя поёжился от этой мысли, но тут же её отбросил. Всех поубивать не могли, кто-нибудь да побежал бы назад.

Потом грохнул еще один выстрел, а затем раздался отдаленный крик, приглушенный лесом. Это Черкашин звал лейтенанта...

Рядовой Иван Малец был ниже среднего роста, так что неудивительно, что его фамилию многие воспринимали как прозвище. И если он всю жизнь страдал из-за своего маленького роста (как ему казалось), то наступил один момент в его жизни, когда он этому радовался больше всего – бомбежка!

Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87В налетели неожиданно. И первым же заходом разнесли палаточный городок учебно-полевого лагеря 22-ой танковой дивизии в клочья. На тот момент тут оставался только караул, пустые палатки с подсобными постройками да половина хоззвода 2-го батальона (который в это время, согласно графику, проводил учебно-тренировочные сборы).

По счастью, первая и вторая рота еще 21 июня, после обеда, экстренно убыли в Южный городок Бреста, а оставшаяся третья рота с подразделениями обеспечения утром 22 июня 1941 года по тревоге пешим порядком ушла в сторону Бреста, так и не дождавшись обещанных грузовиков. Свое решение командир третьей роты принял только тогда, когда окончательно понял, что произошло что-то серьезное. Отдаленные взрывы со стороны Бреста так и не прекращались.

Немецкие лётчики сразу же после первого захода поняли, что бомбят пустой лагерь, и поэтому устремились к уходящей пешей колонне, которую обнаружили их истребители, отправленные в разведку.

Когда кругом стали рваться бомбы и выть сирены пикирующих самолетов, Иван сразу и Бога вспомнил, и обрадовался, что маленькая канавка как раз была под его маленький рост, и даже пообещал Богу, что если он останется в живых, то сразу же вступит в комсомол. Чего только с испугу не пообещаешь! Ведь только что на его глазах бомба попала аккурат в курилку, где в это время сидело около десятка человек. И ведь его звали тоже курить. Но он что-то не захотел! Вот не потянуло его туда! Никак сам Бог отвел от смертушки-то! Да и потом уберег, услышав его молитвы и обещания.

Бомба взорвалась всего в десяти шагах от его канавки. Комом земли ударило по голове, и он потерял сознание. Когда очнулся, понял, что остался жив! В общем, то ли Богу оказался угоден комсомол, то ли просто пожалел хорошего человека, но факт остается фактом – Иван эту бомбежку пережил! А когда Иван выбрался из своего маленького убежища, то обнаружил, что остался один!

Первое время он просто сидел и курил возле воронки от бомбы, которая разорвалась всего в десяти шагах от его канавки, смотрел на неё и думал о смысле жизни. Вот так живет человек, думает о чем-то своем, строит какие-никакие планы на сегодняшний день, а потом вдруг неожиданно из-за верхушек деревьев, с неба обрушивается смерть. Пока она промахнулась. На десять шагов. Иван смотрел вокруг и понимал, что началась самая настоящая война, и его жизнь теперь будет игрой в прятки со смертью!

Покурив, подумав, Малец решил перенести погибших под ближайšie деревья, собрать оставшееся от них оружие и воинское снаряжение. При этом он обнаружил, что половины красноармейцев нет. Иван во время своей скорбной работы все думал, что они вернутся, но вместо них пришли чужие. И тут Бог был на стороне Ивана. Он в это время как раз оттащил очередного убитого под сень деревьев и его не заметили.

Посчитав, что береженого Бог бережет, Малец осторожно стал уходить вглубь леса, унося на плечах четыре винтовки. Еще семь припрятал. А затем он услышал выстрелы, и, немного подумав, решил вернуться и посмотреть, ведь наверняка в бой с чужаками вступили наши. Не немцы же! И не ошибся. Это были наши!

Увидев бойца из родного 2-го батальона, Старновский сильно обрадовался и всё спрашивал Ивана Мальца, как роты уходили, куда? Когда налетели немецкие самолеты, какие потери?

Красноармеец обстоятельно рассказывал, что сам знал, не забывая сообщить, что все брошенное оружие он собрал и даже кое-что из другого казённого имущества, чем сразу же расположил к себе лейтенанта.

Напоследок Старновский спросил:

– Кто убежал и в каком направлении?

– Почти все из караула погибли. Это они в основном сидели в курилке. Остальные были из хоззвода, которых не взяли. А еще, товарищ лейтенант, я лошадей убитыми не видел. Их как раз на луг повели.

– А раненые?

– Я же сказал, когда я очнулся, то один оказался! Если раненые и были, то уцелевшие их, наверное, с собой забрали! Меня же оглушило! Сколько в бесспамятстве пролежал, не помню. У меня до сих пор голова болит!

– Ладно, показывай, где оружие, которое ты собрал!

– Да здесь, недалече. В лопухи я его засунул!

И тут вдруг с противоположной стороны поляны из леса раздался выстрел.

Сержант тихо сказал:

– Это Камышев! Кто-то идет из того леса!

И он оказался прав.

А красноармеец Владимир Камышев всё сделал так, как ему сказал лейтенант Старновский. То есть сидеть тихо, и если он увидит кого-либо подозрительного, то сразу не стрелять, а попробовать определить, кто движется, наш или враг? Если определить будет невозможно, а неизвестный приближается, то стрелять поверху его головы и сразу же уходить к остальному отряду. Ровно это Камышев и сделал. Выстрелил и проворно отполз, а потом и вовсе припустил на полусогнутых ногах к своим.

Тем временам лейтенант зычным голосом скомандовал:

– Все ко мне! Занять оборону!

Отряд Старновского тут же залег на небольшой возвышенности. Пленных запихнули в небольшую землянку возле сломанного шлагбаума, где когда-то сидела дежурная смена.

Вскоре на поляне появилась бегущая фигурка Камышева. Вот он остановился, никого не видя. Тут лейтенант ему крикнул:

– Ложись за грузовик и замри!

Тот обернувшись на голос, увидел приподнявшегося Старновского, его машущую руку, показывающую что нужно спрятаться и залечь, и быстро юркнул под ближайшую полуторку.

Над разбомбленным лагерем снова повисла тишина. Где-то вдалеке по дороге послышался рокот моторов. Шла какая-то техника.

– Неужели немцы? – спросил Подкорытов сержанта.

– А это мы сейчас посмотрим!

Глава 25. 22 июня 1941 г. Это не отряд, это банда какая-то!

Лейтенант Старновский мучительно думал о том, стоит ли без гранат принимать бой с броневиками и бронетранспортерами врага? А судя по урчанию моторов, шла легкая бронетехника. Можно, конечно, сейчас взять и тихо уйти, а можно устроить засаду и, хотя бы частично, уничтожить живую силу врага. А там уже сориентироваться по ходу боя, что делать дальше. То есть, исходя из конкретных условий, лейтенант взял за основу чисто партизанскую тактику «ударил – ушел».

Кроме того, шансов на то, что это будут немцы, было крайне мало. Всё-таки для начала им нужно было окончательно переправиться через Буг, преодолеть сопротивление частей прикрытия 22-ой танковой дивизии южнее Бреста, а еще южнее преодолеть оборонительный рубеж 75-ой стрелковой дивизии. Хотя тут было уязвимое место – это стык между ними. То есть то направление, которое сейчас прикрывал сводный отряд капитана Белоярова.

Особенностью этого района театра боевых действий был огромный лесной массив. Именно поэтому южнее направления дорог Брест- Жабинка- Кобрин-Пружаны-Барановичи стояла только одна 75 стрелковая дивизия. А все остальные войска трех армий (4-ой, 10-ой и 3-ей), по сути, сосредотачивались в Белостокском выступе. За исключением тех частей, которые находились на сходящихся направлениях дорог с оснований уступа (расположенного в сторону германской территории) на Барановичи, находящихся посередине и в глубине Белостокского выступа.

И нанеся удар первыми, немцы на первых же минутах войны, не прилагая никаких усилий, сразу же взяли в полукольцо три советские армии. Разгром был неизбежен в силу крайне невыгодной для обороны конфигурации расположения советских войск. Да и самих-то оборонительных рубежей, как природного явления, в глубине выступа отродясь не было.

Вся надежда была на те окопы и ДОТы, которые располагались непосредственно на границе, и которые немцы с первых же минут накрыли прямой наводкой. Как в тире. По заранее разведанным целям. Вернее, находящимися в пределах прямой видимости.

И когда лейтенант Старновский писал свой знаменитый «паникерский рапорт», он также захотел написать и про сосредоточение армий в Белостокском выступе, но передумал, ведь полных данных у него, понятное дело, не было. Кроме того, его и так уже командование роты и батальона окрестило «Кутузовым» за постоянные «умные вопросы и мысли стратегического масштаба». Ну вот не хотелось, чтобы к этому прозвищу прибавилось еще и «а это наш Наполеон».

Но Старновский не был бы Старновским, если бы не задал подобный вопрос НКВДэшникам при разборе его «паникерского дела». И он видел реакцию оперативника, а затем и его начальника на то, что мы автоматически попадаем в полуокружение из-за расположения войск в Белостокском выступе со стороны немцев. А сказать пришлось! Наступление – это был лучший способ защиты в его «паникерском деле»!

В итоге все ограничилось хозработами, предстоящим разбором на комсомольском собрании и ярлыками «умник» среди солдат и командиров роты, «паникер» и «Кутузов» среди командования части... В общем, теперь про него знали все, об его поступке говорили во всей дивизии. Хорошо это было или плохо, лейтенант Старновский пока не решил. А вот судьба потихоньку стала ему благоволить. Под артобстрел немцев в первые минуты войны, как вся 22-я танковая дивизия, он не попал. И пока удача была на его стороне в двух первых боях. Но, как мы все знаем, фортуна – она такая изменчивая. Повезет ли в этот раз?

На подъезде к поляне лагеря шум моторов затих. Прошло несколько томительных минут. Судя по всему, неизвестные или выслали разведку, а значит, знали про расположение учебного лагеря 22-ой танковой дивизии, или в это время получали сообщения от тех людей, которых выстрелом припугнул красноармеец Камышев. В общем, командир неизвестного отряда был довольно осмотрительным, а значит, серьёзным противником.

Вдруг из придорожных зарослей донесся голос, показавшийся знакомым:

– Старновский! Это твои архангелы в моих разведчиков стреляли?

Александр чуть приподнялся над окопчиком и ответил вопросом на вопрос:

– А вы кто такие?

– Старновский, ты, что ли? Это я, капитан Белояров!

– Да, это я, лейтенант Старновский!

– Погодите, не стреляйте, я выхожу!

Из-за кустов вышел человек в форме командира Красной Армии. Александр пожалел, что у него нету бинокля, чтобы разглядеть получше лицо этого человека. Тот демонстративно убрал свой пистолет в кобуру и спокойно пошел к небольшой возвышенности. Следом показались два броневика БА-10. Сомнений не оставалось, это действительно был капитан Белояров.

– Старновский, чертяка, рассказывай, что ты тут натворил? С кем воевал? Всполошил всю округу!

Старновский встал из окопа и сказал своим:

– Будьте здесь, не расходитесь! Сержант, иди к Камышеву и вдвоем подгоните телегу сюда. Там четыре мешка картошки возле неё лежат, погрузите!

– Ей заднее правое колесо надо поменять!

– Понял. Поменяйте и гоните сюда!

Капитан же махнул рукой своим, и на полянку выехал грузовик с вооруженными красноармейцами. Штыки их винтовок поблескивали на солнце. У Старновского как-то немного защемило сердце, он уже считал, что это его поляна, на правах победителя, но тут прибыло вышестоящее начальство, и оно потребует отчета о его действиях и участии в разделе трофеев. Ну, что же, нужно включать дипломатию переговоров, так сказать! Александр улыбнулся, и эту улыбку увидел капитан, когда они встретились, и принял её за искреннюю радость!

– Ну, рассказывай, что ты тут навоевал! – по-свойски начал разговор капитан. Умел он расположить людей к себе и вызвать на откровенность!

– Докладываю, при подходе к месту расположения учебного лагеря, согласно полученного от вас приказа, обнаружил противника. Антисоветскую банду из числа польских националистов и их приспешников из местных кулаков, в составе пяти человек, которые занимались мародерством на военном объекте. В ходе боя трое бандитов были уничтожены, двое взяты в плен. Один из них ранен в голову!

– Бандиты, говоришь? – удивился капитан. – Пойдем покажешь!

По дороге к блиндажу, где находились пленные, Старновский рассказал о ходе боя. Выслушав его внимательно, уже возле входа в помещение бывшей караулки, капитан остановился и спросил:

– А зачем ты своего бойца в лесу посадил, он чуть моих разведчиков не пристрелил. Они говорят, пуля над самой головой у них прошла! Где «стой кто идет»? Где «стой, стрелять буду»? Это же просто какой-то анархизм с бандитизмом!

Старновский посмотрел на капитана, пытаясь понять, то ли он вправду злится, то ли просто решил подшутить, поугагать немного своего подчиненного. Хоть и временно подчиненного, в силу сложившихся обстоятельств.

Поэтому лейтенант начал издалека.

– Когда я принял решение атаковать банду, я отдал приказ одному из своих бойцов остаться в лесу и прикрывать тыл атакующей группе. В его задачу входило обнаружение противника и предупреждение основного отряда при его появлении!

Мы не знали, кто еще может находиться в лесу. Война же! Поэтому я ему отдал чёткий приказ – при обнаружении людей попытаться визуально установить свои они или чужие. Если в условиях леса это окажется невозможным, просто выстрелить поверх их голов, чтобы вынудить их залечь, и, воспользовавшись замешательством неизвестных, быстро отойти к своим, не принимая боя! Боец мой приказ выполнил! Вовремя предупредил о появлении неизвестных лиц в тылу и успел отойти к своим. Как говорится, без потерь выполнил боевую задачу!

Капитан внимательно посмотрел на лейтенанта:

– Вроде говоришь правильно, а по факту твой боец, как бандит, выстрелил из-за угла по моим разведчикам, а не как положено красноармейцу в таких случаях.

Старновского так и подмывало сказать, что, во-первых, не из-за угла, а из кустов в условиях лесистой местности с ограниченный обзором, а во-вторых, не подстрелил же, а лишь напугал. Но сдержался и вместо этого ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.